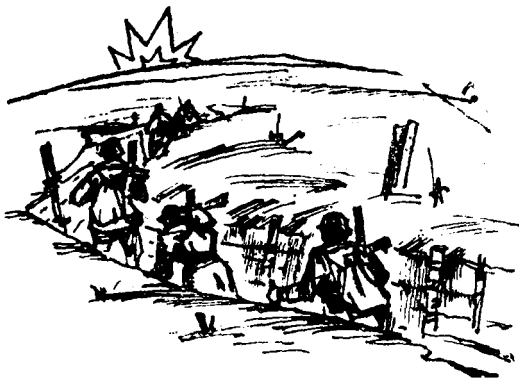

ИБРАГИМ РАХИМ

**ПЕСНЬ
БЕССМЕРТИЯ**

Повесть и рассказы
Перевод с узбекского

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия» Ташкент — 1974

Лето 1942 года. Наши войска с тяжелыми боями отходят за Дон. Лишь рота старшего лейтенанта Адыла Хамдамова остается на другом берегу реки, чтобы ценой даже собственной гибели спасти отступающий полк.

Идут дни и ночи боев, но героическая рота продолжает жить и сражаться...

О мужестве и стойкости советских бойцов, об их верности воинскому долгу и своим боевым товарищам и рассказывает новая повесть узбекского писателя Ибрагима Рахима — «Песнь бессмертия». Из рассказов сборника одни продолжают тему войны, другие посвящены нашему времени, мирным дням.

Уз2

Р 27

Рахим И.

Повесть и рассказы. Пер. с узб. Т., «Ёш гвардия», 1974.

144 б.

Уз2

© «Ёш гвардия» — 1972

© «Ёш гвардия» — 1974

ПЕСНЬ БЕССМЕРТИЯ

Волоча за собой тяжелый хвост солончаковой пыли, истерзанный в боях стрелковый полк увидел наконец вдали веселую светлую ленточку.

Дон. Тихий Дон!

Солдаты, едва передвигавшие ноги, налитые свинцовой усталостью, прибавили шагу. Колонны, потерявшие строй в многочасовой изнурительной ходьбе, подтянулись безо всякой команды. Ожили шутники.

— Ну, братва, и стиранем же мы сейчас портяночки!

— Говорят, в Доне-то вода не простая — газированная.

— Живем, братья-славяне!

Взглас насчет «братьев-славян» развеселил солдат, поскольку в полку славян-то как раз было не густо. Обескровленный в свирепых боях под Харьковом, он получил пополнение, состоящее в основном из узбеков.

— Рразговорчики!

— Отставить гап...¹

Взводные и старшины привычно наводили порядок. Однако и их команды звучали весело, по-домашнему.

¹ Гап — разговор (узб.).

Они ведь тоже люди. Люди, измученные бесконечными боями и марш-бросками по степи, раскаленной июльским солнцем.

А тут вот он Дон — рукой подать! А за Доном...

Что ожидает их за Доном, солдаты и командиры могли лишь догадываться. Наверное, опять придется вгрызаться в землю, строить оборону, набивать на ладонях мозоли черенками лопат. Но это все же отдых от боев, конец отступлению.

Вблизи Дон оказался не очень широкой и не очень красивой речкой. Впрочем, любоваться им времени не было. Поступил приказ — с ходу форсировать водный рубеж на подручных средствах и вброд, обнаруженный полковыми разведчиками с помощью местных жителей.

Солдаты весело взялись за работу — вязали плоты, разыскивали в прибрежном ивняке рыбацкие лодчонки.

На правобережных холмах и в седловинах между ними взметнулись земляные султаны — это напомнили о себе пушки авангардных немецких танков: гитлеровские полчища буквально наступали на пятки отступающим частям нашей армии. Издалека доносился, все нарастая, надсадный гул моторов.

Бойцы, однако, не унывали.

— Ох, и дадим же мы тебе по морде, фриц!

— Теперь держись, Гитлер!

Переправа шла сноровисто, без задержек. Вскоре полк уже окапывался на левом берегу.

Но не весь полк. На правобережье осталась третья рота старшего лейтенанта Адыла Хамдамова. Его солдаты тоже изо всех сил работали саперными лопатами. Перед ними, однако, была поставлена другая боевая задача — занять оборону на прибрежных высотах и стоять насмерть, не дать противнику завладеть этими высотами, с когორых далеко просматривается левый

берег. Ни справа, ни слева у роты соседей не имелось. По крайней мере, не видать было соседей. Оборона роты походила на подкову, концы которой упирались в прибрежный песок.

Обливаясь потом, щипавшим глаза, солдаты лихо-радочно рыли окопы. Хамдамов бегал на своих длинных ногах с холма на холм и зло покрикивал:

— А ну, пошевеливайтесь!.. Эй, дангаса,¹ чего ртом мух ловишь. Копай веселее!..

Командира нельзя было узнать. Словно шайтан в него вселился.

Втайне бойцы даже обижались на своего ротного. Ну чего раскричался! В самые трудные минуты, когда, казалось, всему конец, не терял этот рослый смуглый человек с блестящими, похожими на чернослив, глазами присутствия духа.

Душа-человек — старший лейтенант. Заботливый. На привалах большой любитель песен, добрых розыгрышей, без которых солдатская служба не служба. Короче, золотой человек. Недаром его солдаты с гордостью говорили о себе: «Мы — хамдамовцы!» И в полку их называли хамдамовцами, и даже в дивизии. Боевая рота. Потому ей — самая трудная боевая задача.

И сейчас хамдамовцы получили приказ: «Стоять насмерть!».

Вот почему бесился старший лейтенант.

Нет, он не выражал недовольства приказом. Бывалый воин, служивший действительную еще до войны, Хамдамов хорошо понимал, что приказ он получил жестокий, но нужный. Сотни, а то и тысячи жизней сбережет этот приказ. Но Хамдамов понимал также и другое: не станет скоро роты, погибнет в огне.

---

¹ Дангаса — лентяй (узб.).

Ему было до слез жаль своих парней, и поскольку он не мог, не имел права выразить свои чувства вслух, приходилось маскировать душевные переживания криками, и от этого ему было вдвойне тяжело.

Хамдамов бросал искоса сердитые взгляды на своих бойцов. Думал... Близнецы. Несколько десятков близнецов. Но какие они все разные — эти близнецы! Каждый человек — целый мир. Ротный старшина Константинов... Белобрысый здоровяк, молчаливый и исполнительный. Кажется, никакие человеческие чувства ему не ведомы — автомат, исполняющий приказы. Но это только кажется — автомат. Константинов свою жизнь, всю без остатка, отдает бойцам. Скольким из них старшина спас жизнь! Одному тем, что подгонял рыть окоп полного профиля, другому — срезав из автомата в траншейной схватке немца, уже поймавшего *было нашего бойца на мушку, третьему...*

А какой Константинов нежный отец! Регулярно раз в неделю, бомбежка не бомбежка, забирается старшина в укромный уголок и старательно пишет письмо своей трехлетней дочурке. Жены у Константинова нет. Повесили ее фашисты в Наро-Фоминске. Вот он и окаменел от горя. А душа у старшины прекрасная, чистая. Есть у Константинова и маленькая слабость, предмет осторожного и почтительного остроумия бойцов. Стоит Константинову забрести на кухню, он мгновенно забывает о своем высоком старшинском положении и превращается в заправского повара. Хозяйку оттирает от печи и начинает колдовать над продуктами. Готовит Константинов изумительно. Собственно, на гражданке он и был поваром. И войну начинал поваром...

Или вот — рядовой Эрданов, автоматчик. Ему, наверное, и семнадцати лет нету. Наверняка подделал документы, чтобы на фронт попасть. И попал. В самую

заваруху. Страшно ему, очень страшно, хоть и стараются парнишка не подавать вида. Не солдат пока, но воевать будет.

Будет! Хамдамов тихо вздохнул... А вот лейтенант Камилов, командир первого взвода — этот хотя и не выдался ростом, однако вояка хоть куда, успел пройти окопный университет. А в сущности — мальчишка еще. Матери пишет детские письма. Да и сейчас... Такая кутерьма, а Камилов к ротному: «Разрешите малость порыбачить».

Ох и показал же ему Хамдамов рыбалку! Тройную стружку снял и погнал со взводом на высоту с отметкой 115,2 рыть окопы. Высота ключевая, командная, в самом центре обороны. Там Камилову самое место. Умеет воевать. Ничего не скажешь.

Эх, ребята, йигиты¹ мои дорогие!

...Лейтенант Камилов облазил высоту 115,2 вдоль и поперек. Звонким, мальчишеским голосом подбадривал бойцов:

— Торопитесь, мальчишки. Скоро гости явятся, а у вас еще ничего не готово. Нехорошо. Нарушаете обычай гостеприимства.

— Угостить-то найдется чем, — пробурчал боец Худайкулов, немолодой уже человек с седеющим «ежиком» на голове. — Лимонок целый ящик, патронов по три диска на брата. Пожалел бы ты нас, сынок... Кечирасыз... Извините, товарищ лейтенант, сорвалось. Совсем измучились. Копай да копай!..

— А я вас и жалею. Глубже закопаетесь — вам же лучше. Или не хотите с детишками и женой свидеться?

— Скажете тоже, уртак² лейтенант! Во сне снятся.

---

¹ Йигит — парень (узб.).

² Уртак — товарищ (узб.).

— То-то... Ого! Кажется, гости пожаловали.

С высоты степь просматривалась, как на ладони. Огромное малиновое солнце слепило лейтенанту глаза. Но он все же разглядел коробочки танков с хвостами пыли за кормой, крохотные, будто игрушечные, грузовики, бронетранспортеры. Километра за полтора вся эта странная, словно ненастоящая, армия притормозила, стала расплываться вправо, влево и исчезла, должно быть, укрылась в оврагах.

Вперед ползли только два танка.

— Разведка, — подумал Камиров и усмехнулся.— Чудак все-таки фриц, не знает, что полк, дивизия, может быть, и вся наша армия на левом берегу Дона, а на высоте всего лишь одна рота неполного состава. Ударил бы фриц с ходу, может, и скинул бы нас в Дон... Давай, давай, разведывай... Ближе давай, ближе...

Танки подползли ближе. Уже явственно были видны на их башнях кресты. И танки выглядели уже не игрушечными, а настоящими, опасными. Один из них остановился и открыл огонь из пушки, стремясь вызвать ответный огонь, прощупать систему обороны. Второй танк развернулся бортом к высоте и пополз.

— Дураков нищет, — позлорадствовал лейтенант.— Так мы тебе и раскрылись!

Танки остановились. Откинулись верхние люки, из них высунулись по пояс двое в черном и стали рассматривать оборону роты в бинокли.

Высота Камирова, вся оборона роты словно вымерла.

— Порядок, — удовлетворенно хмыкнул лейтенант.— Сейчас разведчики возвратятся восвояси, доложат, и вся бронированная отара поползет под наш огонь и под огонь нашей артиллерии на левом берегу.

Но вышло по-иному. С соседней высотки щелкнул хлесткий выстрел ПТР, другой. Танк, стоявший бортом

к фронту обороны, пустил дымок, верхний люк его мгновенно захлопнулся. Второй танк быстро попятился и, отстреливаясь из пушки и пулемета, стал удаляться все дальше и дальше, затем развернулся и помчался во весь дух. Вскоре он исчез, свернув в овражек.

Подбитый танк не горел. Только дымил. И никто из него не вылезал. Должно быть, те, кто уцелел, надеялись удрать в темноте.

Камилов зло сплюнул:

— Нашлись герои! Все дело испортили...

Старший лейтенант Хамдамов тоже ругался. Но не вслух — про себя. Что уж тут поделаешь? Дело сделано... Сейчас немец даст прикурить!

Но немец помалкивал, словно сдох. Впрочем, понятно, почему он молчит. Уже вечереет. В темноте воевать он не охотник.

— Буквоед все-таки фриц, правда, товарищ старший лейтенант? — усмехнулся сержант Вахабов, поблескивая черными, как смола, глазами. — Все у него расписано, все предусмотрено. Прямо бюрократ, а не вояка!

Хамдамов промолчал. Подал голос Бек, вечно улыбающийся здоровяк с круглым добродушным лицом. Собственно, звали его не Беком, а Назарбеком. Но кто-то однажды сократил его имя, так и пошло. И фамилию Бека, пожалуй, мало кто знал. Просто Бек. Старший сержант Бек. Помкомвзвода Бек. И медаль «За отвагу» он получил как Бек! Чего только не бывает в жизни.

Бек «вступился» за немцев.

— Бюрократ, говоришь, немец?.. Что же этот бюрократ до самого Дона добрался.

— Отставить разговоры! — приказал Хамдамов.

Бек умолк. Но тут же вновь заговорил:

— Товарищ старший лейтенант, почему немец молчит? Даже ракет не пускает.

— Наверное, мозгует, как лучше нас в воду скинуть утром.

— Скинуть? Нас?!— Бек задохнулся от возмущения.— Да мы ему так врежем!

— Ладно, Бек, помалкивай.

Ночь сгустилась над степью. Сверкали в черном небе крупные звезды. Где-то далеко тихо ухало — изредка, торжественно. Это работала тяжелая артиллерия. По всему фронту, от Серафимовичей до Цимлянской, в излучине Дона наши войска укрепляли оборону.

Поздно ночью прибыл связной от командира полка. Прочитав записку, Хамдамов почесал затылок.

— М-да... С нашим начальством не соскучишься. То держи оборону, то немедленно переправляйся на левый берег!..

Связной, широкоплечий парень, молчал. Что он мог сказать?

— Ладно,— вздохнул командир роты.— Возвращайся в штаб... Да ты что невеселый? Боишься, что ли? Новичок?

Боец кивнул.

— Так точно, новобранец.

— Что-то говоришь ты как-то странно. Вместо «ч» — «ш», не «точно», а «тошно».

Боец покраснел.

— Я латыш.

— А, — протянул Хамдамов.— Ну иди, латыш, доложи: через час рота будет на левом берегу.

Боец исчез, а Хамдамов разослал по высотам людей с приказом: немедленно на левый берег! Он досадовал на этот приказ и радовался. Уцелела его рота. Слава аллаху! Теперь можно вздохнуть спокойно.

Странное дело. Получив приказ, солдаты не обрадовались. Они настолько свыклись с мыслью о предстоя-

шем бое, что теперь испытывали разочарование. Да и сознание того, что опасность миновала, требовала нервной разрядки. Надо, необходимо было поворчать.

— Эх, до чего же удобную позицию покидаем!— вздохнул Камиров.

— Ладно,— оборвал его Хамдамов.— Приказ вздумал обсуждать?

Тут как раз под руку ротному подвернулся Бек — улыбающийся, говорливый.

— Хотел я на этих высотах орден заработать, а начальство не дает. Для кого мы эти окопы рыли, для немцев, а?

Хамдамов задал ему жару. Бек только глазами хлопал. Солдаты присмирели. Не в духе командир.

Через час вся рота переправилась на левый берег. И не только рота. Вместе с ней жители небольшой станицы Староплетской, притулившейся у берега, как раз в полосе бывшей обороны. Жители — это старики, женщины с детишками. Взрослых мужчин в станице уже не было, все на войне.

Выйдя на левый берег, командир роты отправился разыскивать штаб батальона. По дороге ему вспомнились обстоятельства переправы.

Взвод Камирова оставался в качестве прикрытия. Хамдамов сидел в беленьком домике и наблюдал, как его хозяева суетятся, собираясь на тот берег. Недаром говорят в народе: «Попробуй со всеми пожитками перебраться на другое место, и будь ты хоть рапоследним бедняком, почувствуешь себя состоятельным человеком». Старику и старухе, хозяевам дома, хотелось забрать с собой буквально все — посуду, гусей, старинный сундук с медными наугольниками, корову...

Эх, бедняги! Хорошо, если души свои спасете.

Пришел ротный писарь Мирза Вахидов. Но все его

звали просто Мирза. Во-первых, это имя Вахидова. А во-вторых, Мирза по-узбекски и будет — писарь.

Старуха хозяйка вдруг бросила суетиться и принесла жареного гуся, парного молока.

— Кушайте, родимые, — потчивала она простодушно. — Все равно добро пропадает. Кушайте, не стесняйтесь.

«Родимые» не заставили себя уговаривать.

На вкусный запах гусятинны прибежал черный щенок. Он осторожно приблизился к Камиллову и подхалимски завилял хвостом. Лейтенант бросил ему кость и сказал хозяевам:

— Катта рахмат... Большое спасибо за угощение. Ну как, готовы... На тот берег? Хош. Тогда — доброго пути, шагайте в лодку.

Лодка Хамдамова находилась уже на стрежне реки, когда у самого уреза воды разорвался вражеский снаряд, за ним другой, третий...

— Заметили! — произнес вслух Хамдамов и мысленно добавил: «Надо Камиллову поспешать».

Он выбрался на левый берег, послал свободные лодки за камилловским взводом...

Ротный тяжело шагал к кустарнику, поминутно проваливаясь в невидимые ямки, и вдруг остановился. Из-за кустов доносился раскатистый бас командира полка.

Как всякий очень сильный человек, подполковник Веселов был по натуре добродушен и покладист. Он никогда не повышал голоса на подчиненных, даже если они и провинились. Строгость его проявлялась лишь в том, что Веселов, наоборот, понижал голос и переходил на уставное «вы». Этому самого «вы» комбаты и ротные боялись пуще огня. Подполковник взыскивал с прощтрафившегося без шума, без угроз и громоыханий кулаком по столу. Взыскивал, однако, полной мерой.

Но сейчас он был просто неузнаваем. Веселов гневно басил:

— Расстрелять к чертовой матери!.. Под трибунал!

— Товарищ подполковник, разрешите уточнить...— услышал Хамдамов хриплый тенорок капитана Баталова, своего комбата.— Лучший же командир.

— К чертям собачьим твоего лучшего!— продолжал греметь командир полка.— Под суд военного трибунала!

Сам не зная почему, но Хамдамов понял: расстрелять... под суд военного трибунала — это про него, про старшего лейтенанта Хамдамова. Старший лейтенант стоял подобно столбу. И тут на него буквально наткнулись командир полка и комбат.

Громадный Веселов тоже замер. Баталов даже отшатнулся, словно привидение увидел.

Хамдамов в темноте не мог различить лиц своих командиров. Но он ясно представлял их себе. Большое массивное лицо Веселова изрезано глубокими морщинами. Когда командир полка спокоен, их не видать, а как разгневается — все лицо в морщинах. У Баталова же — яркий юношеский румянец на щеках. Молод комбат, не разучился краснеть. Ему ведь не больше двадцати пяти.

Диковатые, неподходящие для такой обстановки размышления Хамдамова нарушил командир полка.

— Вот он... Собственной персоной! Докладывайте, старший лейтенант Хамдамов, почему самовольно оставили позицию, не выполнили приказ?

Хамдамов ждал этого страшного вопроса. С той минуты, когда он отправил назад связного, его мучила мысль: «Зачем... Зачем оставлять оборону на правобережье?.. Что могло измениться в замыслах командования? Разве только новое отступление, к Волге?.. Нет, без боя это невозможно! Тогда зачем?..».

— Отвечайте!— повторил командир полка.

— Я... Я выполнил приказ.

— Что?!— Веселов решил, что Хамдамов не в своем уме.

— Я выполнил...— Хамдамов вспомнил о письменном приказе, вытащил клочок бумаги.

Подполковник машинально взял бумагу. Баталов осветил фонариком.

— Что такое? — пробасил подполковник.— Что за писанина? Кто писал?

— Ваша, вроде, фамилия, товарищ подполковник,— раздумчиво произнес Баталов.

— Ты что, Баталов, белены объелся, моего почерка и подписи не знаешь?

— Я-то знаю,— протянул комбат.— А вот Хамдамов...

— Кто доставил эту бумажку?— Веселов сунул «приказ» под нос Хамдамову.

— Связой...Плечистый такой, белобрый. Букву «ч» не выговаривает. Из Прибалтики, говорит...

— Нет у меня из Прибалтики!

Воцарилась гнетущая тишина.

— Та-ак...— промолвил наконец командир полка.— Попались на удочку. Все понятно. Неделю назад немецкая разведка захватила у нас двух «языков». Должно быть они разговорчивыми оказались. И фамилию командира полка назвали, и другие сведения дали!.. Эх, паршивая овца! Вот тебе и «дурак фриц»! Господствующие высоты занял без единого выстрела. Теперь прижмет всех нас животами к земле... А старшего лейтенанта в тыл отправим, пусть с ним трибунал разбирается.

Тут заговорил комбат:

— Товарищ подполковник... Может, еще удастся исправить положение.

Веселов помолчал, хмыкнул, ответил:

— Пусть исправляет. Но о происшедшем чепе

я обязан доложить. Спросят меня завтра: «Где высоты?»... Что я отвечу?.. Немцы очень попросили, прислали даже ходатая, который букву «ч» не выговаривает, вот мы и раздобрились. Так, что ли, а?

Хамдамов стоял, опустив голову. Он только и понял, что трибунала ему не избежать, а переправляться на правый берег Дона и с боем брать так нелепо оставленную оборону придется.

Он вдруг повеселел в душе, сам удивился — с чего бы это?— и произнес сдавленным голосом:

— Товарищ подполковник, разрешите выполнять!

Веселов вздохнул и безнадежно махнул рукой.

Командир роты собрал командиров взводов и, ничего не тая, рассказал обо всем. Это был единственный способ поднять смертельно уставших бойцов.

Как ни странно, не нашлось ни одного ворчуна. Узнав о том, что их командир угодил под суд трибунала, бойцы пришли в ярость. Подлые фашисты, жрали бы их свиньи! Ну ничего, доберемся до вас!

Бек, правда, не удержался, шепнул сержанту Вахабову:

— Правду сказал, буквоед и бюрократ — фриц, без бумажки ни на шаг...— но так и не договорил, получив кулаком в бок.

Немцы теперь то и дело пускали осветительные ракеты, постреливали из орудий и минометов, через черную гладь реки проносились светящиеся пунктиры пулеметных трасс.

Веселов предложил простой, но единственно стоящий план переправы. Собрать как можно больше лодок. Рота со средствами усиления переправляется разом, на расвете, когда на реку падает предутренний туман. Часть солдат переходит реку вброд. Идти в полнейшей тишине. Будет достигнут элемент внезапности — рывком на

высотки, в рукопашную. Если неудача, противник обнаружил, сигнал — две красных ракеты. Тогда заработает полковая артиллерия, прижмет к земле фрицев. Под прикрытием нашего огня — атаковать. Только атаковать! Назад дороги нет!

Перед рассветом на реку лег довольно густой туман. Бесшумно отчалили лодки...

С точки зрения военной теории, переправу эту иначе, как шальной, не назовешь. Но ведь ничего иного сделать было нельзя. Единственный союзник роты — внезапность. Но — союзник!

Обо всем этом думал Хамдамов, плывя в утлой лодке с несколькими бойцами. Сердце его билось тревожно. Но Хамдамов не страшился смерти. Если уж суждено умереть, то лучше в бою.

Огненная трасса сверкнула над его головой, вторая, третья... Немцы заметили десант. Заметили все-таки! Лодки уже приближались к правому берегу, солдаты выскакивали в воду и по грудь в воде, стреляя на ходу, ринулись вперед. Немецкое боевое охранение было мгновенно смято. Хамдамов с пистолетом в руке метался по берегу, направляя атаку взводов: второму — на левofланговую высотку, третьему — на правый фланг, взвод Камилова — на высоту 115,2.

Солдаты молча бежали. Вместе с ними бежал и ротный. До ключевой высоты метров семьсот... Сердце готово выскочить из груди, глаза застилает красный туман... Кто сказал, что до высоты всего семьсот метров? До нее семьсот километров!

И вдруг бойцы залегли. Хамдамов тоже повалился на землю, ловя воздух широко открытым ртом... Рядом с ним лежал, тоже по-рыбьи раскрывая рот, лейтенант Камиллов. Над их головами со свистом проносились свинцовые струи — это заработал немецкий пулемет.

Опомнились немцы. Эх, еще бы минут пять!

Старший лейтенант нащупал за пазухой ракетницу. В бледное предрассветное небо взлетели два красноватых шарика, и сразу же — артиллеристы только и ждали этого сигнала, над головами наших бойцов с шорохом прошли снаряды. Высоты заволокло клубами дыма и пыли.

— Впере-о-од! — заорал не своим голосом Хамдамов.

Он вскочил, побежал, размахивая пистолетом. Оглянулся — солдаты бежали за своим командиром. До высоты 115,2 оставалось с полсотни шагов.

И тут Хамдамов увидел, как перед его ногами прошла строчка пулеметной очереди. Он перепрыгнул безобидные на вид фонтанчики пыли и по инерции повалился на землю.

Рота вновь залегла. Немецкие пулеметы били по залегшим бойцам кинжальным огнем. Гитлеровцы, оказывается, времени зря не теряли и наладили между высотами систему огневой поддержки.

Вновь ударила по высотам наша артиллерия. Но, по видимому, особого вреда она немцам не причиняла. Пулеметы гитлеровцев не прекращали стрельбы. Продолжать атаковать в лоб было равносильно самоубийству. Откуда-то появился помкомвзвода Бек. Он подполз к ротному и стал ему кричать на ухо. Хамдамов понял: Бек показывал в сторону оврага, змеящегося к подножию высоты 115,2.

Улучив момент, когда вражеские пулеметы приумолкли, Хамдамов, увлекая за собой взвод Камилова, бросился к оврагу...

Он не помнил, как добежал до оврага, не помнил, каким образом в его руках, вместо ~~ГТ, оказался автомат~~ Он только знал, что он в овраге и пули вражеских пуле-

метов потрошат лишь кромки скатов оврага, вздымая облачка серой пыли.

Перебежали в овраг вовремя. Заработали немецкие минометы. Хамдамов осторожно выглянул из оврага... Десятка полтора серых фигурок неподвижно лежали почти у самого подножия проклятой высоты. У Хамдамова защемило сердце. Отвоевались, бедняги!.. И все из-за меня. Нет, нет мне прощения!

Он поискал глазами остальные взводы, но не увидел их. Должно быть, они тоже укрылись в оврагах.

К командиру роты подошел лейтенант Камилов.

— Что дальше, а? Плацдарм мы вроде захватили. Только получается... Как в мышеловке сидим.

— Заткнись ты, Алишер,— устало произнес Хамдамов.— Без тебя тошно.

Лейтенант провел ладонью по грязному лицу, еще сильнее запачкал, улыбнулся.

— Ничего, Адылджан, живы будем — не помрем. Может, попробуем оврагом пробиться?

Немецкие минометы ударили по оврагу. Упал, обливаясь кровью, сержант Вахабов. Камилов бросился к нему. Сержант был еще жив, но сознание уже оставило его.

— Санитара!.. Где санитар?!— закричал лейтенант.

Появился Бек, сказал угрюмо:

— Санитара самого ранило.

— Тогда ты перевяжи.

— Есть перевязать!

Мины продолжали рваться в овраге.

— Не пускает нас немец,— кивнул в сторону разрывов Хамдамов.

— Не такой уж он дурак,— Камилов почесал затылок.

Неожиданно немецкие пулеметы смолкли. Ротный

тревожно выглянул из оврага — по лощинам между вы-
сотками двигалась вражеская пехота.

Замысел немцев был ясен. Измотав в тяжелом бою
наших бойцов, они решили сбросить роту в Дон.

— К бою!— крикнул Хамдамов.

Его пробирала нервная дрожь. Решалась судьба де-
санта. Рота расчленена на три части. Управление взво-
дами нарушено. Теперь все зависит от мужества солдат
и умения их командиров.

Надо держаться. Удержаться, чего бы это ни стоило!

— Без команды не стрелять! Подпустим ближе.

Все словно окаменели. Вражеские цепи подходили все
ближе, ближе... Казалось, можно уже различить цвет
глаз врагов. Впрочем, это чепуха. Глаза их сокрыты под
глубокими касками...

— Огонь!

Немцы будто споткнулись о невидимую стену. Один
упал, другой, третий...

— Гранаты!..

Хамдамов выхватил «лимонку», швырнул в гущу вра-
гов, разметал, выскочил из оврага.

— Впер-е-о-о-од!..

Немцы не выдержали натиска, замешкались, побежа-
ли. Но тут ударили вновь немецкие пулеметы, минометы.
Ударили, не разбирая, где свои, где чужие.

— Вперед!— кричал старший лейтенант, не слыша
собственного голоса. Он видел, что и другие его два
взвода ринулись в атаку.— Впере-о-о-од!..

Пламя вспыхнуло перед его глазами. Хамдамов вски-
нул руки, как бы заслоняя глаза от нестерпимо яркого
света, и повалился навзничь.

Камилов, бежавший рядом со своим ротным коман-
диром, успел подхватить Хамдамова. Подскочил Бек.
Вдвоем они оттащили командира в овраг.

Немецкая атака была отбита. Но и наша контратака захлебнулась.

Хамдамова наскоро перебинтовали. Оврагом отнесли в укрытие... Он лежал на кровати, в том самом беленьком домике, где хозяйка угощала его, Камилова и писаря Мирзу жареным гусем и парным молоком.

Как давно это было! Прошло, наверное, сто лет, тысячу лет! Что это я?.. Это было вчера. Что со мной?.. Живот перебинтован, голова, руки... Отчего над головой темнеют облака? Ведь я лежу в комнате. Ах, это просто свеча горит... Почему горит свеча?

Чья-то рука прикоснулась к его забинтованному лбу.

— Кто это?

— Я, санинструктор Сабилов. Лежите спокойно, товарищ старший лейтенант.

— Ты же ранен, Сабилов.

— Легко ранен. Можно сказать, уж зажило. А вы лежите.

— Зачем зажег свечу?

— Сейчас вечер.

— Как — вечер? Недавно был рассвет!

— Вы лежали без сознания.

— Как там... рота?

— Держитесь. Фрицы на высотках, мы — в оврагах.

— Надо во что бы то ни стало занять высоту 115,2.

Тогда фрицы с остальных двух сами уберутся. Слышишь, Сабилов?

— Так точно, слышу.

— Возьми бумагу и карандаш. Я напишу боевой приказ и донесение комбату.

— Не могу я писать, товарищ командир, рука у меня ранена.

— Тогда разыщи писаря...

Сабиров вышел из комнаты и немного погодя привел Мирзу. Хамдамов облизал пересохшие губы.

— Пить.

— Нельзя вам пить,— Сабиров вздохнул. — В живот ранены. Потерпите.

Тяжело шевеля одеревяневшим языком, Хамдамов стал диктовать донесение комбату. Он сообщал о том, что рота высадилась на правом берегу, захватила станицу Староплетскую и с боем прорвалась к подножию высоты 115,2. Однако, встреченная ураганным огнем противника, вынуждена была залечь и сейчас держит оборону в оврагах. Рота не отступит ни на шаг. Но и наступать не имеет сил. Необходима поддержка живой силой, боеприпасами и артогнем с левого берега. Однако не по площади, а по конкретным целям, для чего он, Хамдамов, просит прислать корректировщиков.

— Все,— сказал Хамдамов, закончив диктовать.

Мирза, однако, продолжал писать.

— Чего еще там? — спросил ротный.

— Пишу... О потерях. Убитые, раненые...

— Дай-ка сюда.

Хамдамов с трудом взял забинтованными руками листок. Буквы прыгали перед глазами.

— Прочти о потерях.

Мирза прочитал.

— Вычеркни меня из списка раненых... Нет, лучше перепиши заново.

Мирза был боевым писарем. Но, глядя на своего израненного командира, он еле сдерживал слезы. Зачем скрывать ранение! Старший лейтенант сделал все, что мог, и даже сверх того. Неужели там, на левом берегу, не поймут, что Хамдамов — герой! И он ранен. Тяже-

ло, очень тяжело. Пусть его боевое донесение следователь подошьет к делу. Да.

Писарь переписал список потерь, но фамилию Хамдамова оставил. Дал на подпись. Морщась от боли, командир роты вывел свою фамилию. Потом сказал:

— Знаю я тебя, хитреца, Мирза. А ну-ка, вычеркни меня, слышишь?.. Вот, так-то лучше. Донесение в штаб доставишь лично. А теперь...

Хамдамов хотел сказать, чтобы Мирза садился писать боевой приказ Камилову. Но тут в его голове зазвенело, качнулся потолок, и он потерял сознание.

Сабилов принялся хлопотать возле раненого, а Мирза вышел из домика и направился к берегу.

Ему повстречался Камиллов.

— Где старший лейтенант, как он?

Писарь показал на белеющий в сумраке домик и пожал плечами. Тяжело вздохнул.

— Плох он. Его бы порадовать чем-нибудь.

— Кое что есть. Наладили оборону на западной околице станицы, управление взводами восстановлено. Вцепились крепко. Фрицам теперь не до наблюдений. Артиллеристы сообразили — корректировщиков прислали. Орудия наши быют на выбор. Минометную батарею фрицев накрыли...

— Здорово!.. Ну, я — на тот берег.

Мирза, придерживая здоровой рукой раненую, стал спускаться к воде, а Камиллов зашагал к домику. У рхода он остановился, отряхнул с гимнастерки пыль, поправил ремень.

На пороге показался санинструктор Сабилов. Взводный с тревогой спросил:

— Как там?

— Надо переправлять на тот берег. Чем скорее, тем лучше.

— Неужели так плох?

— Ранение в голову, руки покалечены, а главное — рана в живот.

— С ротой переправлялся полковой врач.

— Врач там...— Сабиров кивнул в сторону вишневого садика.— Там его могила.

— Пошли. Надо Хамдамова эвакуировать.

Они вошли в комнатку, где лежал Хамдамов. Он вновь очнулся. Лейтенант рассказал ему о положении дел. Командир роты слабо улыбнулся.

— Ничего идут дела. Бывает хуже.

— Товарищ старший лейтенант, вам надо на тот берег.

Хамдамов вновь улыбнулся.

— Добрый ты парень, Алишер. Только забавный. Мне надо на левый берег? Чудак. Мне надо на высоту 115,2, понял? Только там мое место.

Они долго молчали. Наконец, Хамдамов сказал:

— Обойди всю оборону. Все проверь, прощупай. Чтобы был полный порядок. Держаться до последнего. Придешь — доложишь.

Камилов повиновался. Возвратился он часа через три, поздней ночью.

У изголовья командира роты сидел писарь Мирза. Он вернулся с левого берега и докладывал. Камилов искоса поглядывал на мертвенно белое лицо Адыла, слушал торопливую речь писаря. Хм... Дела не так уж плохи. Видимо, комбат и подполковник Веселов не надеялись даже на такой успех. Никаких приказов: «Вперед — и точка!». Приказ нормальный: держаться, отбивать атаки, помогать артиллеристам-корректировщикам отыскивать цели, не давать фрицам голову поднять.

Мирза докладывал сбивчиво, торопливо. Камилову казалось, что Мирза трусит. Но он ошибся. Мирза бо-

ялся, что командир роты вновь потеряет сознание, так и не дослушав всего. Потому Мирза и спешил.

Наконец писарь умолк. Хамдамов прикрыл глаза, вновь открыл, узнал лейтенанта, улыбнулся.

— Возьмем, а?

— Какой может быть разговор!

Камилов присел на край кровати. Откуда-то появился черный щенок, тот самый, которого Камилов вчера угощал гусиной косточкой. В спешке хозяева, видно, забыли щенка. Собачонка уселась возле кровати на задние лапы и не сводила блестящих глаз с Хамдамова.

Лейтенант нагнулся, потрогал лоб Адыла — забинтованный, воспаленный. И ему стало так тоскливо! Тяжело ранен командир, друг, земляк. Оба они из Ферганской долины. Хамдамов постарше... Там, далеко, в утопающем в зелени кишлаке, Адыла ждет жена Айди-хон и маленький сын Хатам. Они его ждут. А его, Камилова, ждет мать, милая мама. Больше некому ждать... Ах, почему это случилось с Адылом-ака! Почему не со мной?

Хамдамов приподнял руку, положил на руку Камилова.

— Вот какие дела, брат Алишер, — произнес он чуть слышно. — Всякое может быть.... Армии нужны эти высоты, очень. Особенно командная высота. Обещай мне, что возьмешь.

— Обещаю, командир-ака.

— Поклянись.

— Клянусь!

— Спасибо, дустым¹, — прошептал Хамдамов, жарко

---

¹ Д у с т ы м — друг (узб.).

дыша в лицо нагнувшегося к нему лейтенанта.— Эх... Как же это я опростоволосился...

— Вы не виноваты, ака. Кто мог знать? А приказ есть приказ.

— Знаешь, что меня особенно мучает, Алишер?.. Ведь из-за меня, если высоту не возьмем... пострадает комбат. И Веселов может... под трибунал.

— Возьмем высоту. Точно!

— Спасибо... Сабиров... Где Сабиров?

— Я здесь,— отозвался санинструктор.

— Перевяжи потуже мне живот.

— Зачем?

— Перевяжи, говорят!

Санинструктор с Камиловым отправились в соседнюю комнату за бинтами. Там лежали раненые, которых не смогли отправить на левый берег. Было сумрачно, едко пахло лекарствами и махорочным дымом.

— Ассалям алейкум! — приветствовал Камилов раненых.

— Вaleyкум ассалям!.. Здравия желаем! — послышался нестройный ответ.

Один раненый приподнялся с охапки соломы, протянул руки — и рухнул навзничь. Камилов узнал в нем сержанта Вахабова.

Лейтенант опустил перед раненым на колени.

— Что, плохо, брат?

Вахабов беззвучно пошевелил потрескавшимися губами.

— Лежи спокойно, Вахабов. Скоро переправим на тот берег. Там тебя доктора подлатают — здоровее здорового будешь.

— Дальше санбата не поеду,— еле слышно произнес сержант. Черные глаза его лихорадочно блестели.

— Правильно, браток,— подал голос другой ране-

ный, рыжий детина. — В тыловой госпиталь попадешь, начнут тебя гонять. Вот, к примеру, я... Был сапером. А попал в госпиталь — зачислили в пехоту. Разве это порядок? Беспорядок это. Я — сапер, привык к братве...

— Ничего, — отозвался совсем молоденький парнишка с ногой в шине, — теперь опять сапером станешь.

Раненые рассмеялись. Вахабов повторил:

— Дальше санбата не поеду, — вздохнул и добавил: — Нельзя. Высоту не взяли.

Сабиров отправился перебинтовывать старшего лейтенанта. Камиров посидел возле Вахабова, покурил. Явился пожилой санитар, крикнул весело:

— Кто на своих двоих может — дуй до плота, а которые слишком важные, так и быть, донесем как важных персон!

Камилов проследил за погрузкой раненых, распрощался с Вахабовым, подошел к санинструктору.

— Знаешь что, будь другом, попроси ребят... Кто легко ранен или еще как, ходить, в общем, может... Пусть помогут. Людей в роте совсем мало, а воевать надо.

Сабиров улыбнулся.

— А легкие сами разбежались, безо всяких проповедей. Воевать ушли.

Лейтенант прошелся по плоту.

— Верно. Ай да йнгиты! Молодцы.

— Можно отчаливать, лейтенант?

— Погоди. А как же с Хамдамовым. Его непременно надо переправить. Очень тяжелый, помрет здесь. Пошли, живо!

Хамдамов лежал недвижно, закрыв глаза. Лейтенант боялся окликнуть своего командира. Наконец решился.

— Скоро рассвет, товарищ старший лейтенант, пора отправляться на тот берег.

Хамдамов не откликнулся. «Кончился!» — с ужасом подумал Камиллов. Он осторожно взял за руку командира, пощупал пульс... «Жив!» — обрадовался лейтенант и приказал:

— На плот. Живо!

Двое санитаров стали перекладывать Хамдамова на носилки. Старший лейтенант очнулся. Сообразив, в чем дело, прошептал:

— Отставить!

Санитары, недовольно бурча себе под нос, переложили Хамдамова на кровать. Подбежал черный щеночек. Он словно обрадовался тому, что Хамдамова оставляют: тихо повизгивал, пытался лизнуть забинтованную руку ротного.

— Перевязали меня?

— Так точно, товарищ командир.

— Хош... Теперь слушай, Камиллов. Ты не позволишь своему земляку опозориться. Ведь позор — хуже смерти! Верно?

— Конечно, Адылджан, конечно.

— Высота 115,2 — мой позор. Зачем мне жизнь, если высота останется у фашистов?

— Возьмем. Обязательно.

— Сколько у тебя людей осталось, Алишерджан?

— Девятнадцать.

— В роте?

— В донесении комбату вы указали, что в строю осталось пятьдесят четыре бойца.

— Ах, да.. Пятьдесят четыре. Из них половина раненые.

— Может, и поболее, но все легкие.

— Не жизнь, а рай, Алишерджан. Поэтому будем воевать. Начнем, пока не рассвело. В самый раз атаковать...

Хамдамовская рота не спала — окапывалась. Адская это была работенка. Верхний слой солончака обманчив. Вроде бы пыль, а копнешь чуть — каменистая твердь. Лопаты, ломы и кирки высекали искры, хоть прикуривай. Бойцы обливались потом. Спины ломило. Однако работа не прекращалась ни на минуту. Все понимали: надо! Все помнили слова ротного: «Земля солдату — мать родная, от раны спасет, от смерти укроет». Работали все, даже командиры взводов.

Скинув гимнастерку, Камиллов орудовал лопатой. Неподалеку попыхивал от натуги здоровяк Бек. Лейтенант любовался парнем. Тот трудился, как знаменитый кетменщик Дустмат-палван, строитель Большого Ферганского канала. Огромные комья земли то и дело вылетали на бруствер. Правда, Беку и повезло, достался мягкий участок грунта. Но все равно копает здорово!

Лейтенант, разогнув спину, перевел дух. Скоро придет Хамдамов, вернее, скоро его приведут. Какая сила воли у человека. Еле жив, а рвется в бой. Выдержит ли, жив ли он вообще?.. Ведь чуть дышал.

Пришел писарь.

— Мирза? — пошутил лейтенант. — По лопате соскучился? Как там наш командир?

— Скоро придет сюда, как и обещал.

— Может, все-таки переправить его, а?

— Вы же знаете его характер, товарищ лейтенант. Он приказал себя из списков раненых вычеркнуть. И еще... пообещал мне голову снести с плеч, если я в штабе хоть словечком обмолвлюсь о его ранении.

Камиллов задумчиво покусывал палец. С самого Харькова он воевал вместе с Хамдамовым, делил с ним хлеб-соль. Знал, конечно, что воля у него железная. Но чтобы такое упорство!.. «На левом берегу для меня земли нет!.. Взять высоту, взять!». Может быть, он и прав.

Не выживет Адыл-ака на том берегу, если высота останется у немцев. Возьмем ее — Адылу-ака бальзам на раны. Точно!

— Бек! — позвал лейтенант.

Бек выскочил из окопа.

— Здесь!

— Оденьте гимнастерку. Пройдитесь по взводам, скажите: скоро прибудет старший лейтенант. Пусть там подтянутся. Надо порадовать человека.

— Разрешите выполнять?

— Люди ужинали?

— Так точно, ужинали.

— Идите.

Бек скрылся во тьме. Лейтенант улыбнулся. Ну зачем спросил про ужин? Ведь знал, что старшина Константинов раздобыл свинью и приготовил замечательные отбивные. Правда, не все солдаты-узбеки ели свинину. Но для таких сварили из пшеничного концентрата кашу. Кстати говоря, на свином сале.

Камилов подошел к одинокому дереву, крикнул:

— Эрданов!

— Здесь я, — донесся мальчишеский голос.

— Как там дела, наблюдатель?

— Ничего не видно, товарищ лейтенант. Темно. А когда посветлее было, видел: фрицы наши окопы на свой лад переделывают. Укрепляют высоту. Жаль далековато, а то угостил бы их парочкой очередей. Может, слезть пока? Руки-ноги задеревенели.

— Слезай.

Шурша листвою, обламывая сухие веточки, с дерева сполз Эрданов — мальчишка в гимнастерке не по росту и громадных ботинках с обмотками.

— Все-таки и ночью кое-что видать, товарищ лейтенант. Немцы изредка ракеты пускают. У меня такое впе-

чатление, что фриц нас мысленно уже похоронил, мол, завтра остатки «иванов» скинет в реку... Буль-буль.

— Это хорошо, Эрданов.

Мальчишка-автоматчик от удивления разинул рот.

— Хорошо это, Эрданов,— повторил лейтенант,— что фриц нас уже загодя похоронил и не опасается. А мы ему как влепим!

Эрданов захохотал.

— Здорово, товарищ лейтенант! Влепим. В самый раз ударить.

Возвратился Бек. Доложил.

— Порядок.

— Боеприпасы?

— У всех солдат и в обоймах, и в вещмешках.

— Так... Вот еще что. Легкораненых мы со старшим лейтенантом попросили не эвакуироваться, однако я заметил, что кое-кто неправильно понял просьбу.

— Что вы, товарищ лейтенант,— растерялся Бек.— Никто не переправился...

— Об этом я и толкую. Боец Худайкулов!..

Приковылял немолодой уже дядя, седой. Он опирался на самодельный костыль.

— Вот, полюбуйтесь,— улыбнулся Камилов.— Ведь просили легкораненых остаться. А вас, отец, в атаку на руках нести надо.

— Что вы, товарищ лейтенант. У меня не рана, а пустячок, так... муха укусила.

— Отправляйтесь в санбат.

— Не обижайте, товарищ лейтенант. Так заживет. Доктора, конечно, люди хорошие, но лучше от них подальше. А то что ведь получится?.. Привезут меня в госпиталь, положат на простыни. Явится важный профессор в очках, окруженный врачами, и скажет: «Ну, начнем лечить бойца Худайкулова или пусть пока живет?».

Грянул хохот. Немцы, словно перепугавшись, запустили в небо несколько ракет, стрекотнули из пулемета.

— Доигрались!— буркнул Камиллов.— Пора!.. Старшего лейтенанта ждать не будем. Начнем без него. Бек, задача доведена до всех?

— Так точно.

— Атакуем в полной тишине. Чтобы ничто не звякнуло.

Камиллов взял автомат, загнал диск.

— Двинулись...

Солдаты бесшумно выбрались из окопов, поползли. Бек и Мирза побежали в другие взводы, сообщить о начале «тихой атаки». Вскоре они вернулись и тоже поползли. Рядом с Камилловым ловко, как ящерица, полз Эрданов. Он следовал за взводным будто привязанный. По всему видать, малыш взял на себя обязанности телохранителя.

Вот и высота. Ползти стало совсем тяжело, на подъем. Камиллов разодрал в кровь ладони, колени. Но лейтенант не чувствовал боли. Вперед... Только вперед!

Вдруг, словно из-под земли, взвилась ракета. Все вжались в землю. Камиллов приподнял голову. В нескольких шагах от него сидел на ящичке немец. Он сидел спиной, наблюдения не вел, видимо, уверенный в том, что «рус Иван» лежит сейчас на клочке земли и трясется от страха перед предстоящим «буль-буль» в донской воде.

Злоба охватила Камиллова. Фашистский ублюдок! Лейтенант хотел рвануться, наброситься на фашиста. Но лейтенанта опередил Эрданов. Он бесшумно прыгнул и опустил приклад автомата на голову гитлеровца. Тот повалился ничком. Это послужило сигналом. Взвод, стреляя на ходу, ринулся в атаку. Немцы зашумели. Заахали взрывы гранат. Неподалеку, справа, ударил длинный

ми очередями немецкий пулемет... Камилов швырнул на вспышки «лимонку». Пулемет заткнулся, будто подавился. Но, чуть погодя, заработал вновь.

— Вперед!.. Уррра!..— крикнул Камилов, прыгая во вражеский окоп.— Бей, круши!..

Спрыгнул вовремя. Громадный немец, подмяв под себя Эрданова, душил его. Камилов бросился на помощь. Маленький автоматчик, однако, уже сам выбрался из-под тяжелой туши. Фашист лежал неподвижно. Эрданов, тяжело дыша, держал перед собой окровавленный пычак¹.

— Цел?

— Вроде цел.

— Надо взять чуть левее, там минометная батарея.

Минометчики, застигнутые врасплох, метались, суетились возле своих «самоварных труб». Камилов полоснул очередь на полдиска. Эрданов швырнул гранату. Уцелевшие гитлеровцы кинулись врассыпную. Один, не успевший одеться, босой, в нижнем белье, вскинул руки.

— Эрданов, бери этого бесштанного, веди к командиру роты.

Маленький автоматчик рванул немца за ворот рубашки, разодрал донизу, скрутил материю жгутом и связал пленному руки.

— Хих... Хих!— он погонял пленного, как ишака.— Хих...

Голый фриц поплелся, подталкиваемый в спину дулом автомата. Спускаясь в овраг, Эрданов надавил немцу ладонью на шею, мол, пригнись, здесь простреливается. Гитлеровец покорно согнулся.

Тем временем ночной бой разгорелся с новой силой. Немцы пришли в себя, получили подкрепление, огонь их

---

¹ Пычак — нож (узб.).

стал организованней. Хамдамовцы, прорвавшись к новой траншее, напоролись на яростное сопротивление.

— Бек, прижми гадов гранатами, не дай им головы поднять,— приказал Камиров и побежал к отделению, которому удалось пробиться почти до вершины высоты.

Свет ракеты на секунду ослепил лейтенанта. Он прикрыл машинально глаза ладонью и свалился в первую попавшуюся воронку. Ракета померкла. Лейтенант поднял голову и увидел мертвых немцев.

Неужели наши добрались сюда без потерь?.. Нет, есть потери. Вот лежат и наши йигиты.

Он еще раз окинул взглядом картину боя при свете очередной ракеты. Хм... Дела складывались неважно. Хотя на малых высотах и закрепились взводы Смирнова и Каюмова, однако на командной высоте 115,2 получился «слоеный пирог»: у подножия — наши, чуть выше — немцы, еще выше — наши. На самой вершине вели круговой обстрел четыре немецких станкача.

Новая вспышка ракеты... Ого! Фашисты подбросили подкрепление. Они пытаются окружить высоту, ударить сверху, снизу, отовсюду и раздавить хамдамовцев!

Сзади окликнули:

— Товарищ лейтенант!

— А, это ты, Мирза.

— Товарищ старший лейтенант находится в овраге. Там, откуда мы атаку начинали.

— Настоял все-таки на своем?

— Настоял. Сейчас наблюдает картину боя, ничего понять не может, темно ведь... Сердится.

— Мирза, беги, лети, ползи на животе — как хочешь, но оповести всех, чтобы пробивались назад, к оврагу, иначе нам — хана! Сил мало.

Мирза исчез. Немного погодя хамдамовцы стали с боем прорываться вниз, к оврагу.

Камилов с одним из бойцов последними вырвались на околицу станицы. Боец чуть замешкался и вдруг схватил лейтенанта руками, цепляясь за его пояс, повалился в окоп, увлекая за собой Камилова. Но прежде чем они упали, беззвучное пламя взметнулось перед ними...

Придя в себя, Камилов увидел нагнувшегося над ним Бека. В голове лейтенанта звенело, уши словно ватой заложило, и он почти ничего не слышал.

— Сколько... уцелело?— произнес лейтенант с трудом.

Бек что-то ответил. Сообразив, что Камилов не слышит, выставил перед его лицом две растопыренные пятерни, потом указал пальцем на лейтенанта, ткнул себя в грудь.

— С нами — двенадцать,— понял Камилов и тяжело вздохнул.

— Где... Хамдамов?

— Унесли. Совсем обессилел.

Лейтенант приподнялся, сел. Чутьочку придя в себя, тяжело встал на ноги. Его пошатывало, к горлу подкатывала тошнота.

Бек закричал в самое ухо:

— Все в порядке, товарищ лейтенант! Хотя и не взяли высоту, зато навели на ней такой порядок... Комбат вроде доволен.

— Где он — комбат?

— В белом домике. Вместе с командиром роты размышляет, как фрицам еще всыпать.

Камилов встряхнул головой, как бы желая сбросить невидимую тяжесть.

— Пошли... Проводи до комбата.

Наша воздушная разведка доносила о движении на восток, к Дону, больших соединений противника. С утра

до ночи, ночью двигались немецкие моторизованные дивизии, артиллерия, танки. Материалы аэрофотосъемок тщательно изучались в наших штабах. Открывалась грозная картина: всюду бесчисленные колеи, оставленные грузовиками и гусеницами танков. По железным дорогам катят на восток эшелон за эшелон с живой силой, боеприпасами, горючим, боевой техникой.

Сведения авиации подтверждала войсковая разведка и агентура. Было совершенно ясно, что гитлеровское командование, развивая успех, стремится нанести новый удар.

Советское командование принимало срочные меры, чтобы предотвратить замыслы врага. Явилась идея отвоевать плацдарм на правом берегу Дона, с тем, чтобы удерживая его, постоянно угрожать противнику. В штабе армии узнали, что рота Хамдамова все еще на правом берегу, ведет бои за высоты. Это же то, что надо! Держаться до последнего! Поможем людьми, боеприпасами — чем угодно. Главное — удержаться, захватить высоты, расширить плацдарм! Командир дивизии, получив приказ, позвонил командиру полка:

— Держись, Веселов!

— Держимся, товарищ генерал.

— Вот и держись. Что там у тебя, рота? Бросай батальон.

— Кинули. Комбат Баталов уже там обживается.

— Молодец, Веселов, соображаешь.

Так крохотная песчинка — рота Хамдамова — обрела известность. Ею интересовались начальники больших штабов, ее судьба волновала самого командующего армией.

Хамдамовцы и не предполагали того, что превратились в «важных персон». Они просто продолжали выполнять свой воинский долг. Знали они лишь о том, что

с высоты 115,2 гитлеровцев надобно во что бы то ни стало вышибить. Ради этого они кидались в рукопашную, израненные рвались вперед, казалось, даже смерть была бессильна перед ними.

Но это только казалось. Во взводе Камилова осталось всего десять бойцов, а во всей роте — двадцать шесть.

Не знали хамдамовцы и того, что в то время, когда они вели кровопролитный ночной бой, на правый берег начал переправляться батальон Баталова и что готовился к переправе весь полк.

И еще не знали хамдамовцы, что в одной из лодок переправился незнакомый капитан — худой, меланхолический, со штатским пенсне на длинном носу. Капитан этот был военным следователем и прибыл он расследовать обстоятельства «дела старшего лейтенанта Хамдамова», самовольно оставившего на правобережье плацдарм и командную высоту с отметкой 115,2.

Очутившись на берегу, следователь потоптался в некоторой растерянности и тут же, увидев наставленный ему в живот автомат, попятился.

— Хенде хох,— прохрипел ему боец в изодранной гимнастерке.

— П-поззвольте...

— Хенде хох, тебе говорят!

Подбежал комбат. Поинтересовался у бойца, зачем накинулся на своего, на капитана.

— Какой свой?!— возмутился Мирза.— Знаем таких... Один буквы не выговаривает, другой на нос диковинные очки повесил.

Баталов хотел было отчитать Мирзу, однако сдержался. Парень по-своему прав. После того случая со «связным»... Понять человека надо.

Следователь обиделся, но не очень. Пробурчав что-

то насчет «сверхбдительности», отправился разыскивать старшего лейтенанта Хамдамова. Баталов хотел пойти вместе, затем махнул рукой — пусть потолкуют вдвоем.

Комбат зашел в овраг и натолкнулся на маленького бойца, волочившего, ухватив подмышки, голого по пояс окровавленного человека. Увидев комбата, малыш вытянулся.

— Боец Эрданов.

— Кого тащишь?

— «Языка». Да только по дороге его сами фрицы и подстрелили. Экая жалость! Выживет ли...

— Где командир роты?

— Вон там, в белом домике.

Баталов постоял в задумчивости и побежал догонять следователя. Он нагнал его возле самого домика.

— Извините, капитан. Я прикинул... Может, отложите разговор? Бой не кончился. Походите, понаблюдайте роту в деле.

Следователь раздумчиво почесал длинный нос, улыбнулся:

— Правда ваша, комбат. Тут такое творится... Не до бесед.

— Вот спасибо!— воскликнул Баталов хриплым своим тенорком и юркнул в домик.

А следователь сел возле домика на пенек.

Бой постепенно затихал. Осторожно пробивался рассвет. На берегу, под крутояром, лежали раненые. Их вот-вот, пока еще река подернута предутренней дымкой, должны были переправить на левый берег. Противник бил по реке наугад — водяные столбы то и дело вырывались из водной глади. Мина ударила неподалеку от домика. Со следователя смахнуло фуражку. Он вздрогнул. Подумал, что вздрогнул-то с опозданием, потрогал

голову, усмехнулся. Отыскал фуражку, пробитую осколком, долго вертел в руках, не зная, надеть ее или нет. Надел все-таки. Вновь сел на пенек, задумался.

Любопытный это был человек. Сугубо гражданский следователь, попавший на войну. Однако, под влиянием обстановки, он втайне мечтал о боях, о строевой службе. Ему хотелось воевать, бить фашистскую нечисть. А приходилось заниматься черт знает чем... «Дело о промотании обмундирования у деревенской самогонщицы», «Утеря штыка от винтовки образца 1891/1930 годов», «Хищение из котлового довольствия I килограмма 200 граммов мяса»...

И вот теперь «дело» старшего лейтенанта Хамдамова Адыла. Следователь видел: на плацдарме — ад, на «пятачке» — герои. Какое тут к дьяволу «дело»! Не могли же такие люди и их командир струсить и самовольно удрать на левый берег!

Следователь помыкался возле домика и наконец вошел. В крохотной комнатке сидел комбат, еще какой-то невысокий, подвижный лейтенант. На кровати лежал весь перебинтованный, мертвенно бледный человек с лихорадочно блестящими черными глазами. Он говорил, с трудом шевеля сухими губами:

— Не утешай, комбат, высоту я не взял...

Заметив незнакомого командира, человек умолк. Шустрый лейтенант тоже взглянул на вошедшего. Круглое лицо лейтенанта вытянулось.

— Вы к кому, товарищ?

Комбат перебил лейтенанта.

— Выйди-ка, Камилов.

Лейтенант повиновался.

Они остались втроем. Наступила гнетущая тишина, нарушаемая взрывами мин и стрекотом автоматов. Молчание нарушил Хамдамов.

— Не смущайтесь, капитан. Не маленький я, понимаю.

Следователь стал расспрашивать об обстоятельствах дела. Повертел в руках злополучный «приказ» об отходе. Ему было все, все ясно.

Следователь долго сидел, задумавшись, то снимая, то вновь цепляя на нос пенсне. Наконец заговорил:

— Мне приказано было собрать на вас материалы и представить в трибунал. Невыполнение приказа грозит... Впрочем, как говорят некоторые забубенные головушки: «Меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют!».

Он улыбнулся, и строгое, холодное лицо его вдруг стало милым и добрым.

— Я... Я завидую вам, капитан Хамдамов. Так я и доложу своему начальству.

Хамдамов слабо улыбнулся, а Баталов вскочил с табурета и кинулся пожимать следователю руку.

— Ай да капитан! Правильный вы человек.

Следователь смущенно мотал длинной своей головой. Он снял пенсне, аккуратно провел по глазам безмянными пальцами. Сказал:

— Ну, я пошел...

— Куда вы?— всполошился комбат.— Светло уже. Переправа будет только поздно вечером.

Разбитое оконце, заткнутое подушкой, звякнуло остатками стекол, домик шатнуло. Еще взрыв, еще...

Немцы пошли в атаку.

— Пойду посмотрю, как там,— сказал комбат, надевая фуражку.

Он ушел. Стрельба нарастала. Хамдамов беспокойно заерзал. Некоторое время он лежал, напряженно прислушиваясь к бою, затем произнес:

— Помогите мне, капитан.

Голос его прозвучал так, что следователь понял: спорить бесполезно. Он молча помог Хамдамову подняться и, подхватив подмышки, осторожно вывел наружу. Автомат Хамдамова висел у следователя на плече.

— Захватили запасной диск?

— Да,— ответил следователь.

— Ведите меня к оврагу.

Появился Мирза. Втроем они пошли быстрее.

Вот и овраг. Хамдамов слабо оттолкнул следователя и Мирзу. Вскинув голову, прислушался к грохоту боя. И вдруг в глазах его каруселью закрутилось небо — и погасло. Хамдамов медленно поднял руки, как бы желая удержать небосвод, ноги его подломились. Мирза подхватил командира, опустил на землю. Следователь тоже бросился на помощь.

Хамдамов зашевелил губами. Следователь не услышал, нет, он понял, что шептал умирающий.

— Вы... со... ту... взя-ть... на... до...

— Возьмем, возьмем высоту,— заторопился следователь.— Обязательно!..

Мирза отстегнул от пояса флягу, обтянутую сукном, попытался напоить командира, и вдруг фляга выпала из рук писаря — рот Хамдамова открылся.

Бормоча что-то на своем родном языке, Мирза припал ухом к груди командира...

— Что... что такое?..— заволновался следователь.

Мирза сорвал с себя пилотку и, беззвучно плача, стал подвязывать носовым платком подбородок Хамдамова.

Следователь стянул с головы фуражку. Он смутно видел появившегося откуда-то комбата Баталова, подвижного лейтенанта, солдат. Отрывки слов:

— Командир говорил: «Если умру, похороните на вершине высоты 115,2...»

- Там же немцы...
- Такова была его воля...
- Немцы прорвались к оврагу!
- Выбиты!

Следователя охватил страх. Нет, не за свою жизнь. Он вспомнил, что так и не написал протокола допроса. Капитан поискал близорукими глазами подходящее местечко, заметил, что Хамдамова уже унесли, не нашел ничего подходящего и сел просто на землю, положив на колени планшет. Он писал, писал, то и дело встряхивая авторучку, писал... Закончив, подумал, что он, следователь Ребровский Леонид Степанович, 1912 года рождения, русский, член ВКП(б), женатый, имеющий троих малолетних сыновей, выполнил, быть может, сейчас главное дело своей жизни — спас доброе имя замечательного человека, старшего лейтенанта Адыла Хамдамова.

Аккуратно упрятав в планшет свои записи, следователь поднялся и, потеряв ориентировку, стал карабкаться по склону оврага. Он услышал суматошный крик:

— Куда!.. Подстрелят...

И нахлынула вечная тьма.

Камилов сидел на табуретке, возле кровати, на которой совсем недавно лежал его командир роты. Он вспоминал, вспоминал... Тяжкие бои под Харьковом, жестокое, временами паническое отступление к Дону, когда, казалось, все уже кончено...

В памяти почему-то вертелась старинная песня, напевать которую любил Хамдамов.

В вечернем небе хмурится луна —
Она завидует тебе, любовь моя!
В огромном свете ты одна, одна!
Ты для меня и солнце и луна...

Лейтенант взял в руки обрывок окровавленного бинта. Подержал, сунул в нагрудный карман.

Этот обрывок — единственное, что осталось от Адыла. Если жив останусь, привезу бинт домой. Будет трудно — выну, подержу в руках. Эх, Адылжан, Адылжан!..

Вошел комбат. Он подошел к Алишеру, вздохнул.

— Принимай роту, лейтенант.

Камилов усмехнулся.

— Не психуй, лейтенант. Я его тоже любил. Но идет война. Воевать надо. Адыл-ака... Он был человек!

— Да, — тихо произнес Камилов.

Комбат отцепил от пояса флягу.

— Выпьем за упокой души.

— Да.

Комбат отыскал две поллитровые банки, налил по малости.

— Постарайся, лейтенант. Очень прошу.

Камилов кивнул головой.

Хамдамова похоронили в вишневом садочке. Прогрел трижды залп. Люди понуро разошлись. Рядышком закопали следователя. Даже деревянных пирамидок не из чего было сделать. Просто две палки с дощечками.

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ А. ХАМДАМОВ

1916—1942

ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

КАПИТАН Л. С. РЕБРОВСКИЙ

1912—1942

ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

Хамдамовцев, воевавших со старшим лейтенантом с харьковских времен, коробило, что их любимый командир и какой-то неизвестный капитан — оба лежат под одинаковой эпитафью. Оба — смертью храбрых. Но осталось их всего два десятка человек. А прибывшие пополнцы ничего не понимали.

Люди разошлись. У могилы Хамдамова мыкался черный щенок. Он долго скулил, затем лег, уткнувшись мордочкой в землю.

Камилов увидел щенка из разбитого окна белого домика. Он вышел, взял щенка на руки.

— Пойдем, дружок. Пойдем... Верный ты друг.

Так родилась у щенка кличка — Верный.

Бежали дни. Почти каждодневно за высоту шли изнурительные бои.

Уже весь полк Веселова сражался за высоту. Подтянули резервы и немцы.

Старых солдат в роте осталось всего семеро. Но — удивительное дело! — рота по-прежнему называлась хамдамовской. Нынешний командир роты, лейтенант Камилов, втолковывал новичкам две истины.

— Первое, что должны вы запомнить: вы — хамдамовцы. Во-вторых, высоту должны взять. Ясно?

В первый четверг после гибели Адыла писарь Мирза добыл камышинку, обернул ее ватой, обмазал маслом. Зажженный светильник воткнул в могилу. Присел рядом, задумался.

И вот он услышал, что кто-то читает молитву из корана.

— Кто тут?

Писарь поднял голову и увидел автоматчика Эрланова.

— Я это, — вымолвил Эрданов. — Извините.

— Ничего.

— Эх! Погубил себя командир.

— Молчи!

— Зачем молчать?.. Перевезли бы на левый берег...
Был бы жив.

— Молчи, тебе говорят! Жив, может быть, был бы, да ходил бы покойником.

— Точно... Как же мы дальше воевать будем?

— А что, лейтенант Камилов не потянет, а?

— Камилов — это почти Хамдамов. Не об этом речь.

— Тогда повоюем.

— А помнишь, как Хамдамов на все корки распекал лейтенанта?

— Еще бы не помнить!

... Камилов сидел на кухне белого домика и тоже думал о Хамдамове. И еще думал о том, что придется ему туго. С хамдамовцев всегда требовали невозможное, и они всегда справлялись. Теперь... Трудно теперь. В роте — горстка людей, а требуют по-прежнему невозможное.

Враг изо всех сил рвался за Дон. Не считаясь с потерями, пробился на левый берег. Казалось, весь мир лежит у его ног. Немецкие солдаты маршировали по Европе. Германские самолеты и подводные лодки господствовали в Атлантике и на Средиземном море. Африканский корпус Роммеля стоял у ворот Александрии. На Востоке германская армия врубилась до берегов Дона и форсировала реку.

Казалось, нет на свете силы, которая могла бы противостоять тевтонскому мечу.

Но...

Немецкие войска уже не давили по всему фронту от Белого до Черного моря. Сейчас они прорвались на юге. Прорвались яростно.

На карте немецкого генерального штаба множество синих стрел. И одна из них уперлась жалом в станичку Староплетскую.

А хамдамовцы знали одно: враг хочет прорваться к Дону, сбросить роту, батальон, полк в реку и на плечах отступающих совершить бросок через реку и рвануться дальше. Куда? Наверное, — к Волге.

Камилов обошел оборону, еще раз проверил систему огня. На фланговых высотках наши установили пулеметы. Установили добротнo. Разве только минометами их выкуришь. Пулеметы замаскированы, врыты в землю. Попробуй, достань их. Огонь же их страшен — книжальный огонь, разящий. Немцам пришлось из-за этих огневых точек оттянуть свою оборону вплотную к высоте 115,2.

Лейтенант Камилов мысленно поблагодарил бывшего командира роты за пулеметы и улыбнулся. Он вдруг ощутил в душе тихое, будничное спокойствие. Никуда он не уйдет с плацдарма. Возьмет высоту, не возьмет, а на плацдарме будет держаться. Он выбрался из оврага и отправился на НП батальона, оборудованный возле белого домика.

Комбат сказал:

— Камилов, давай-ка сверим часы. Мои во время переправы малость воды хлебнули и что-то стали спешить.

— В бой, наверно, спешат, товарищ капитан.

— Пожалуй. Пройдись-ка по обороне. Что-то фрицы завозились.

Лейтенант отправился в скучное путешествие. Все было вроде в порядке. Он пришел в свою роту. Сюда уже дали телефонный «ус». Позвонил комбату.

— Ничего нового.

Только доложил — появился запыхавшийся Мирза.

- Товарищ лейтенант..
- Хош... Хош.
- Немец!..
- Что — немец?
- Тревожится. Не к добру это.
- Пошли.

Они прибыли на наблюдательный пункт в овраге. Немцы действительно что-то замышляли. Они шмыгали по ходам сообщения, все время плыли над бруствером их каски.

Лейтенант попросил артиллерийских корректировщиков:

- Дайте цель.

Через несколько минут подножие высоты обволокли клубы взрывов. Несколько солдат, ошалев от точного артудара, выскочили из траншей. Бек приник к ручному пулемету, хлестнул очередью, другой. Полюбовавшись делом рук своих, повернулся к солдатам-пополнцам.

— Все поняли их ошибку?.. Не хватило духу пере- сидеть в укрытиях артиллерийское угощение. Потому и дух воп!

Немцы не остались в долгу. На позицию роты обру- шился огневой шквал. Бойцам было страшно, жутко, од- нако они, наученные горьким опытом фрицев, терпеливо отлеживались в ходах сообщения.

Каждому думалось, что все, нет больше роты. Когда же обстрел кончился, оказалось, что рота понесла поте- ри, но не такие большие — один убитый и четверо ра- неных.

В который раз двинулась в атаку немецкая пехота, пытаясь сбросить наших солдат в реку. На плацдарме сейчас воевал целый полк Веселова. То ли немецкая раз- ведка это прохлопала, то ли сказалося высокомерие гит- леровцев, очевидно, решивших, что после сокручитель-

ной артиллерийской обработки позиций противника его солдаты уничтожены, раздавлены страхом. Немцы атаковали силами примерно до двух батальонов, шли в полный рост. Они стреляли с живота, неприцельно, лишь бы навести побольше паники в рядах противника.

Другие наши подразделения, удерживающие фланговые высоты, уже завязали бой. А рота Камилова, вклинившаяся к подножию высоты 115,2, помалкивала. Немцы применили свои излюбленные «клещи». Для этого на правом фланге им необходимо было преодолеть овраг, а слева — обойти белый домик, отрезать роту от переправы.

Лейтенант, и без того смуглый, совсем потемнел лицом: оно обрело напряженно-каменное выражение.

— Без команды не стрелять! — твердил лейтенант, не узнавая собственного голоса. — Не стрелять...

Гитлеровцы приближались. Метров за триста перешли на бег. Камилову они почему-то показались смешными. Бегут, как голодные куры — на просо!

Подумав так, лейтенант устыдился. Ничего себе — куры!

Двести метров...

Сто пятьдесят...

— Огоны! — заорал лейтенант. — Огонь!.. — и первый открыл огонь из ППШ.

Немцы заметались. Рухнула их передняя цепь. Задние залегли, пытаясь укрыться от губительного огня. Но тут в дело вступили наша левобережная артиллерия и батальонные минометы, притаившиеся за крутояром на правом берегу.

Дым, огонь, удушливый запах взрывчатки...

Камилова так и подмывало поднять роту в контратаку. Но он сдержался. Комбат приказал строго-настрого: самим пока не лезть, надо измотать противника. Где-то

за высотками рычали танковые моторы. Немцы накапливали силы для нового удара, на этот раз — с танками.

Лейтенант вынул измятый носовой платок, утер пот с лица, пороховую гарь. Появился Мирза. В руке он держал за дужку котелок.

— Перерыв на обед! — весело сказал писарь. — Кушайте, товарищ лейтенант, макароны с мясом.

— Не хочется.

— Товарищ лейтенант! — взмолился писарь. — Непорядок. Вы же должны во всем пример бойцам показывать.

Камилов улыбнулся.

— Ладно, давай, — Камилов взял котелок. — А тебе вот... На бинокль. Полюбуйся через оптику на фрицев.

Он сел, привычно сложив под себя ноги, поставил котелок между колен. Макароны оказались очень вкусными, жирными. Прибежал Верный.

— А тебя что, обделили, не дали обеда? — шутиливо спросил лейтенант.

Верный замотал кудлатой своей головой, жалобно заскулил, словно жаловался, мол, обделили!

Лейтенант отломил кусок хлеба, вытащил из котелка изрядный кусок мяса, дал щенку.

Черпая ложкой макароны, наблюдал за щенком, занятым едой. Верный глотал жадно, урча от нетерпения.

Поев и с удивлением почувствовав, что ему еще хочется есть, лейтенант покачал головой. То и смотреть на еду не хотел, а теперь... Возьми себя в руки, Алишер. Забудь о нервах.

Он отправился по траншее. За ним увязался Верный. Так, вдвоем, они и обходили взводы. Солдаты скребли ложками в котелках, покуривали. Какой-то незнакомый боец, высокий и тощий, проходя мимо, споткнулся о Верного, упал, выронив котелок.

— Кто таков?— строго спросил лейтенант.

Боец смущенно переминался с ноги на ногу.

— Рядовой Халиков.

— А... Из пополнения. Что же ты, йигит, опаздываешь? Все уже пообедали. И неловкий какой-то. Вот и остался без обеда.

Боец покраснел. Он скосил глаза на Верного, всюю уплетающего макароны. Бойцы посмеивались.

— Ладно,— лейтенант махнул рукой.— На первый раз прощается. Иди к старшине. Константинов накормит. Он любит кормить.

Тут как раз появился старшина Константинов. Молча, почти угрюмо выслушав приказ, он снял висевший на одном плече «сидор», развязал, вытащил ломоть хлеба, початую банку тушенки.

— Держи, растяпа,— помолчав добавил хмуро:— Вот ведь навязался на мою голову. Ну что ты, Халиков, за человек? Не успел появиться, а уже обед опрокинул, ложку потерял. Эх, растяпа!

— Да я...— начал было Халиков.

— Воздух!— послышался взволнованный возглас.

Все бросились на дно траншеи. С небес, выбеленных жарким солнцем, ринулись на роту немецкие пикировщики. С ревом, завывая сиренами, они бомбили весь плацдарм. Но Камилову и его бойцам казалось, что «юнкерсы» обрушивают бомбы только на них. Только на них!

Качалась и стонала земля, взлетали вверх огромные столбы дыма, огня и земли. Один пикировщик свалился чуть ли не до самой земли, заслонив мир огромным грязно-желтым брюхом.

Новобранец Халиков в ужасе закрыл глаза. Когда же открыл их, самолеты исчезли. Солдаты отряхивались, перевязывали раны, уносили убитых.

Писарь, лежавший рядом с Халиковым, тронул его за плечо.

— Жив?

— Не... не ззна-аю.

— Значит, жив.

Язык у Халикова был как деревянный. Парень еле выдавил:

— Мирза-ака, похороните меня по нашему обычаю.

— Ты что, парень... того?! С ума сошел? Живого — хоронить!

— Убьют ведь.

— Может, и убьют. На войне, знаешь, иногда убивают. Но думать об этом... Смотри у меня!

Послышался голос Камилова:

— Танковая атака! Приготовиться.

От этого возгласа у Халикова мурашки забегали по спине.

— Пэтээровцы! Не зевай...

Появился Бек, сунул Халикову бутылку КС.

— Держи.

Халиков машинально взял.

Между тем, танки, обтекая высоту 115,2, ползли, ухая из пушек и стрекоча пулеметами. За их массивными тушами бежала пехота. Пэтээровцы открыли по танкам огонь. Но стальные громадины, все увеличиваясь, неудержимо напоззали.

— Мамочка! — прошептал Халиков, вжимаясь в землю.

Но тут по танкам ударили наши пушки. Один танк замер, свесив к земле пушечный ствол. Второй — вспыхнул. Остальные танки продолжали атаковать. Огнедышащая громадина, скрежеща гусеницами, ползла прямо на Халикова.

— Все!.. Конец... — подумал солдат.

Кто-то схватил Халикова за шиворот, повалил на дно траншеи. Танк с грохотом, обдав удушливой гарью, прошел над самой головой. И в этот момент парнишка увидел, как Бек, вскочив со дна траншеи, метнул связку гранат на корму танка. Ахнул взрыв. Танк замер. Ошеломленный Халиков не верил своим глазам: громадный танк с крестами на башне остановился.

Немецкой пехоты за танком не было, отсекли. Халиков, охваченный радостью, схватил бутылку с КС, швырнул на танковую корму. По ней заплясали бесцветные язычки пламени... Минута, другая — и танк превратился в огромную пылающую свечу.

— Ага!.. — кричал Халиков, срывая голос. — Ага!..

Он ликовал, ничего не замечая вокруг, не замечая того, что атака отбита.

— Ага!.. Ага...

Кто-то встряхнул парня за плечи. Халиков увидел улыбающегося до ушей Бека. Появился старшина Константинов. Постоял, молча разглядывая паренька. Сказал хмуро:

— Вот те и разгильдяй.

— Этот будет воевать, — произнес улыбающийся Бек. Он почти всегда улыбался. Даже сейчас, хотя его и зацепила пуля, вырвав на локте кусок кожи. — Помогите перевязаться.

Халиков бросился помогать.

— Больно?

— Горит, но терпеть можно... Молодец, Халиков. Здорово мы его, а?

— Сам не знаю, как это я...

Подошел Камиллов. Поздравив Халикова с боевым крещением, стал наблюдать в бинокль за немцами. Вдруг он почувствовал, как что-то ожгло шею, словно скорпион ужалил.

Пока перевязывали лейтенанта, немцы вновь пошли в атаку. Им удалось прорваться к оврагу, к траншеям. Крики, вопли рукопашной. Камилов, как во сне, увидел рослую фигуру врага. Дал очередь. Немец, взмахнув правой рукой, согнулся пополам и рухнул. Второй...

Еще один немец прыгнул в траншею, повалил Камилова, вцепился в раненую шею лейтенанта...

Наконец Камилов пришел в себя. Рядом валялся тот самый немец с перерезанным горлом.

Голос Эрданова:

— Повезло вам, товарищ лейтенант. Вовремя я подошел.

— Спасибо, Эрданов!

— Э-э... — протянул Эрданов, втыкая в землю пычак, запачканный кровью. — Не надо никаких спасибо. Вместе воюем. Сегодня я, завтра — вы.

— Товарищ лейтенант!

Пришел Мирза, весь в копоти, гимнастерка — лохмотья.

— Товарищ лейтенант...

— Да.

— Комбат приказал прорываться.

— Что?

— Рота в окружении. Вы что, не знаете? — удивился писарь, но увидев забинтованную шею лейтенанта, пояснил: — Рота в окружении. Фрицы отрезали нас от батальона. Приказано прорываться к белому домику.

— Где — приказ?

— Приказ устный.

Лейтенант нахмурился.

— Однажды уже обожглись. Тамом булды... Хватит. Будем держаться.

— Товарищ лейтенант, я еле проскочил... А теперь вновь судьбу испытывать. Мне комбату доложить надо.

— Вот и доложи: хамдамовцы держат круговую оборону. Пусть батальон ударит, а мы поможем.

Немцы окружили роту, но не плотным кольцом. Если повезет, можно проскочить в штаб батальона. Мирза перевел дух и, маскируясь на местности, изрытой воронками от снарядов и мин, пополз. Иногда он замирал, притворяясь мертвым.

КП батальона находился неподалеку от белого домика, в укрытии, вырытом в склоне прибрежной кручи.

Измотанный, пошатывающийся от усталости, Баталов вскочил, увидев Мирзу. Спросил нетерпеливо:

— Где рота?

— В окружении. Занимает круговую оборону.

— Передал приказ?

— Лейтенант Камилев не желает...

— Что?!

— Требуется только письменного приказа. Однажды, говорит, уже обожглись.

Вспыхнувший было гневом, комбат задумался.

— Ладно,— он присел к столу, сделанному из дверной створки, набросал несколько строк.— Hal..

Протянул листок санинструктору Сабирову. Мирза удивленно посмотрел на комбата.

— Пойдет Сабиров. Там, наверно, раненых немало. Заодно и приказ доставит. Смотри, самому лейтенанту Камилеву вручи.

— Есть вручить лейтенанту Камилеву!

— Товарищ капитан,— попросил Мирза,— разрешите нам вдвоем. Дорогу я хорошо знаю.

— Ладно.

Мирза догнал Сабирова, и они свернули в овражек. В сумке санинструктора что-то позвякивало.

— Тише,— прошептал Мирза.— Тише.

Сабиров передвинул сумку на живот. Звяканье про-

должалось. Тогда они остановились. Сабиров перебрал в сумке. Пошли без шумов. Забрались в брошенную, «ничейную» траншею, над головами их посвистывали пули, жужжали осколки.

Словно в упор загрохотал немецкий станкач. Санинструктор инстинктивно припал к земле. Мирза выхватил гранату. Метнул. Пулемет умолк.

— Гранату... Дай!— прошептал Мирза.

Он протянул руку, сорвал с пояса санинструктора гранату, метнул. У немцев начался переполох. Пользуясь этим, Мирза с Сабировым побежали, кубарем свалились в свой окоп. Их встретил радостным лаем Верный. Щенок был уже не черным, а грязно-желтым от солончаковой пыли.

Разыскав Камилова, Сабиров с Мирзой вручили ему письменный приказ. Лейтенант пробежал несколько раз кривые строчки, внимательно изучил подпись.

— Так,— пробурчал он,— значит, прорываться... Сабиров, займитесь ранеными.

Санинструктор, видя окровавленные бинты на шее лейтенанта, потянулся было к нему, но Камилов прикрикнул:

— Раненых!

Затем приказал:

— Командиров взводов ко мне.

Вновь кинулись немцы. Неожиданно, втихомолку. Санинструктор наткнулся на громадного фрица, за ним виднелись другие... Рванула граната. Немцев разметало. Маленький осколок впился Сабирову в щеку.

Гранату метнул Халиков. Она упала близко.

— Ахмак!¹— сказал пареньку санинструктор.— Бей своих, чтобы чужие боялись?!

---

¹ А х м а к — дурак (узб.).

Больше немцы не совались. Странная была их вылазка. На немцев не похоже. Ну да шайтан с ними. Получили свое — и ладно.

— Молодец! — сказал Сабиров пареньку.

Халиков растерянно моргал. То — ахмак, то — молодец!

Заработала наша артиллерия, снаряды перепыхивали многострадальный клочок земли на правом берегу Дона, высота 115,2 обволокла густыми клубами дыма и пыли. Несколько снарядов вздыбили землю в расположении роты.

— Что они там, с ума посходили! — возмутился лейтенант. — А впрочем, тут сейчас сам шайтан не разберет — где свои, где чужие...

Командиры взводов, созданные Камилловым, терпеливо ждали боевого приказа. Их крепко потрепало в боях. Все трое ранены, черные от копоти. Сейчас они сидели на дне окопа, встряхиваясь, когда их обсыпало землей. Но Камиллов молчал, он никак не мог принять решение. Прорываться в таком аду? Всех положишь!

Младший лейтенант — артиллерийский корректировщик — подполз к Камиллову на четвереньках и, пытаясь перекричать взрывы, закричал лейтенанту прямо в ухо:

— Рация приказала долго жить... А красные ракеты есть... Три красные — просьба прекратить обстрел. Пока фрицы очухаются, мы рванем, а?

... Взвились три красные ракеты. Рота рванулась — напрямик, через овраг, занятый врагами, через окопы, в которых валялись побитые и оглушенные артиллерией гитлеровцы.

Рота прорвалась к своим. Усталые, измотанные солдаты повалились, где попало. Камиллов отправился на КП батальона. В голове лейтенанта звенело, глаза слипались от усталости. Он остановился, огляделся по сто-

ронам и с удивлением обнаружил, что уже вечерет. Странно! Только что был обед, ели макароны с мясом...

Подбежал старшина Константинов. Доложил, что раненых готовят к ночной переправе на левобережье. Вздохнул.

— Этому... Халикову не повезло. В живот... Зря я его растяпой обозвал.

Из укрытия, вырытого в прибрежной круче, вышел Баталов. Он не стал слушать рапорта. Взял лейтенанта за плечи, помог зайти на КП.

— Садись, Камилов... Нет, ложись. Ложись и докладывай.

Лейтенант повалился на охапку соломы, заменявшую комбату постель.

— Прорвались...

— Славно повоевал. Только пистолет спрячь.

Лейтенант в смущении стал совать ТТ в кобуру. Как же это так?.. Совсем дошел, Алишер. Ходишь с ТТ в руке.

— Отдыхай, Камилов. Заслужил,— сказал комбат. И добавил:—А пистолет я сразу узнал. Хамдамова. Молодец, хранишь память... Воюет, значит, старший лейтенант Хамдамов.

Поутру Камилов пошел навестить могилу Хамдамова. Рядом с лейтенантом чинно бежал Верный. Как ни привязался лейтенант к Верному, сейчас он отогнал его. Не годится собаке слоняться по кладбищу.

Щенок, обиженно чихнул, побежал куда-то. Камилов же долго стоял возле могилы боевого друга. Он мысленно разговаривал с ним, делился радостями и горестями.

Неподалеку солдаты рыли братскую могилу. Еще чуть поодаль, возле колодца, поросшего бурьяном, санитаринструктор Сабилов и Мирза совершали над погибшими

старинный узбекский обряд: обмывали тела, заворачивали в белое. Мирза вздыхал, слезы катились по его щекам. Какая все-таки страшная штука — война. Прибыл в роту парнишка. Все посмеивались над ним, мол, маменькин сынок, растяпа!.. А он взял и сжег немецкий танк! Вышел бы из него славный солдат. Вышел бы... Не пришлось. Сразила пуля. В живот. Прощай, прощай, дорогой Халиков!.. Извини, имени не успел твоего узнать.

Опомнился Мирза от того, что почувствовал будто кто-то стоит за его спиной. Писарь по привычке вскочил и увидел командира полка Веселова. Рядом стоял Баталов.

— Что это ты делаешь?— спросил подполковник.

Мирза слегка смутился.

— Да вот... По узбекскому обычаю. У нас без гробов хоронят.

— Как это?— удивленно пробасил командир полка. Подумав, вздохнул:— На войне, брат, тоже... эх... гробов не напасешься.

Комбат сдвинул брови, сказал, обращаясь к Веселову:

— Вот, пожалуйста, товарищ подполковник. По древнему обычаю. Еще с причитаниями.

Командир полка стоял задумавшись.

— Религиозные пережитки...— продолжал Баталов.

— Погоди ты,— досадливо махнул Веселов.— Заладил одно: пережитки, религиозные!.. Люди жизнью своих не пожалели. Мешает тебе, что ли, комбат, если героев похоронят по древним обычаям их дедов?

— У них еще и другой обычай есть,— не сдавался комбат.— Ранят одного солдата — пятеро бросаются на помощь. И такое позволить надо?

— Демагог ты, Баталов,— подполковник потрепал его по плечу.— Только зеленый еще демагог.

— Товарищ подполковник!..

— Я же — любя. А то; что демагог ты—это точно. Я сам приказал разъяснить солдатам-узбекам, что их обычной скопом бросаться на помощь раненому надобно на время войны забыть. Ведь толпа — это мишень.

Веселов зашагал к кладбищу. За ним понуро шагал Баталов. Комбат понимал: Веселов прав, и поэтому Баталову было совестно. И потом... Весь этот диспут при солдатах. Ну и пусть. Сам виноват. Ударил в колокола, не заглянув в святцы!.. Эх-хе... По-церковному заговорил.

Они подошли к могиле Хамдамова. На земляном холмике голубел букетик полевых цветов. Рядом, прижатый комом земли, листок из блокнота. Веселов взял листок. Он содержал всего несколько строк, написанных по-узбекски. Подозвали Мирзу. Тот перевел.

«Адыл-ака! Мы сражаемся за высоту. Едва не пробились до вершины. Держались по-хамдамовски. Но пришлось отойти. Спите спокойно, командир. Ваше завещание выполним. Возьмем проклятую 115,2. Алишер Камиров».

Командир полка повертел в руках листок, аккуратно положил на могилу.

— Что,— тихо спросил он Баталова,— и это — побоку? Мол, сентиментальщина и прочее!.. Нет, сынок, не сентиментальщина. Это верность, дружба, любовь. Золотые у тебя люди, сынок.

Веселов недавно принял полк. Хамдамова он и узнал-то поближе, когда тот «самовольно» оставил высоту и угодил под следствие.

— Очень хороший, чуткий человек,— тихо сказал Баталов, избегая произносить злое слово «был»,— Адыл-ака... старший лейтенант Хамдамов. Он не трибунала боялся. Он страдал потому, что вас, меня подвел.

— Совестьливый,— Веселов тоже обошелся без «был».

— Хороший народ. И совестьливый, и деликатный... Недавно один боец обругал другого по-матерному. У-у... Что было! Пришли ко мне, говорят: «Вот нашего товарища обругали. В чем провинилась его мать? Она его родила, выкормила, вырастила. Проводила в армию бить фашистскую нечисть!»... Пришлось того матершинника наказать строго. С той поры в батальоне ругани не слышно. А воюют солдаты хорошо.

Шагах в сорока от кладбища группа солдат копала окопы.

Маленький, верткий лейтенант с перевязанным горлом лихо отрапортовал:

— ... Докладывает лейтенант Камиров.

— Новый командир роты. Вместо Хамдамова,— представил Баталов.

— Комсомолец?— спросил подполковник.

— Член партии. Недавно приняли.

— А ну, покажи нам свою оборону, Камиров.

Далеко по левому, по правому флангам, где-то на «том» берегу ухали орудия и, смягченные расстоянием, доносились тяжелые взрывы. Гитлеровские полчища, прорвавшись на левобережье, пробивались все дальше... Куда? К Волге, наверное?

А на крохотном плацдарме стояла тишина. Немцы, видать, измотались, решили отдохнуть.

— Не люблю такой тишины,— вздохнул Веселов.— Опасная тишина...

Белый домик, в котором расположился медпункт, солдаты прозвали — «пуп». Вроде бы диковатое прозвище, однако был в нем свой смысл. Домик притулился на околице Староплетской, на взгорке. Если смотреть с левого берега Дона, то на фоне изрытой воронками, лишеной растительности, уныло серой высоты 115,2 домик

выглядел светлым пятном, причем казалось, что он находится на этой высоте, на середине пути от подошвы до вершины.

Солдаты и прозвали домик «пупом». Сложились даже разные байки относительно домика. Почему он целехонек, хотя все вокруг перепахано снарядами и минами? Появилось крылатое выражение — «угодить в белый домик», то есть получить ранение и попасть на перевязку в этот домик.

Между тем домик этот был самым обычным. Просто от немецких артиллеристов и минометчиков он был прикрыт небольшим пригорком, за которым начинались овраги.

Воспользовавшись некоторым затишьем, лейтенант Камилов решил навестить раненых. Сейчас он шагал к белому домику и волновался. Как всякий здоровый человек, он немного стеснялся встречи с увечными людьми, вроде в чем-то провинился перед ними. Правда, Алишер и сам был ранен в шею. Но это пустяки, царапина.

Белый домик, к удивлению лейтенанта, встретил его песней. Из открытого окна доносились звуки танбура и чей-то довольно приятный голос выводил тихую, наивно-трогательную песенку.

Лейтенант остановился. Ого! Оказывается, в нашей роте не только вояки. У нас, оказывается, и поэты есть.

Певец пел:

Выпей из Дона воды — и затянутся раны.
Но все же приятней Марины целебные
чары,

Марины улыбчивый взгляд!

Едва лейтенант открыл дверь, в нос ударил запах страданий. Мирза, прижав танбур к животу, словно автомат, доложил, улыбаясь:

- Устроил самодеятельный концерт для раненых.
- Хорошо, молодец. А как с вечерней сводкой?
- Будет вовремя, как положено.

Писарь удалился под аплодисменты бойцов.

«Скажи, пожалуйста, словно народного артиста провозажуют,— подумал лейтенант.— Вот уж не ведал, что писарь такими талантами обладает! Хм... Про какую же он Марину пел?»

Камилов огляделся и увидел в комнате девушку. Обыкновенную девушку в синем, с белыми крапинками, платье. Обыкновенную?.. Алишер вдруг ясно, пронзительно понял: эта девушка необыкновенна! Единственная. Какие у нее глаза. Чистые, голубые, как весеннее небо... Ферганское небо! А вьющиеся волосы легкие, как хлопковые пушинки, удивительного, серебристо-золотого цвета!

Девушка скользнула в соседнюю комнату. Раненые радостно приветствовали лейтенанта. Даже незнакомые раненые, из других батальонов. Всем им было приятно — их не забывают, навещают. Лишь один тихо стонал, прикрыв глаза.

— Дустым,— наклонился над ним лейтенант.— Это я, Камиров. Что, худо тебе?

Боец открыл глаза, узнал командира, попытался приподняться.

На шум прибежала девушка. Осторожно взяв раненого за плечи, уложила и показала глазами лейтенанту:—«Пожалуйста, выйдите!»

Лейтенант сделал вид будто не понял. Ощущая, как тревожно бьется его сердце, спросил:

— Откуда вы взялись, милая девушка?

— Как откуда? Это мой дом. Родители эвакуировались, а я осталась.

— Не видел я вас.

— А меня насильно увезли на левый берег. Потом взяла и ночью убежала назад.

— Дезертировала?— улыбнулся Алишер.

— Да, дезертировала на фронт,— отрезала девушка.— Все выяснили? А теперь прошу вас... Раненым нельзя утомляться. Разрешаю вам свидание минут на пять, не больше.

Камилов кивнул. Потолковав с бойцами, распрощался, вышел во двор «медсанчасти». Там, возле автоклава, хлопотала девушка. Лейтенант подошел. Девушка усмехнулась.

— Это вы опять?

— Так точно,— довольно глупо ответил лейтенант.

— Кто вы, собственно, такой?

— Навещал своих раненых.

— А-а!.. Так вы, значит, Хамдамов,— девушка с интересом посмотрела на Алишера.— Завидую вам...

— Почему?

— Раненые только и толкуют о Хамдамове. Они, правда, говорят по-узбекски. Но есть там и русские ребята. Теперь на плацдарме весь полк... Ребята рассказали, что Хамдамов — невероятно храбрый командир... Хм... Скажите, пожалуйста! Никогда бы не подумала, что вы такой... Не богатырь, ростом не удался. А вы, оказывается...

Хорошо хоть, что сгустились сумерки. Камилов смущенно ответил:

— А я и не Хамдамов вовсе. Разве меня можно сравнить с Хамдамовым? Он был богатырь!

— Был?

— Да,— тихо ответил Алишер.

Девушка вздохнула. Они помолчали.

— А вы, наверное, лейтенант Камилов, да?.. Извините. Я не хотела вас обидеть. Рост? Я тоже маленькая.

Но зато я и о вас слышала много хорошего. Любят вас солдаты. Многие раненые, едва перевязавшись, убежали из санчасти, к вам.

Зычный голос не дал девушке договорить.

— Воздух!.. Рама...

В темном небе занял мотор.

— З-з-з-у-у-у-з-з-з-у-у-з-з-з...

Наши зенитки, не желая обнаруживать себя, молчали. «Рама»— двухфюзеляжный разведывательный самолет— продолжала завывать.

— Значит, вы и есть лейтенант Камилов,— девушка словно не замечала самолета.— А имя ваше?

— Алишер.

— А меня зовут Марина.

— Знаю,— произнес Алишер.

— Откуда же?— удивилась девушка.

— Про вас наш писарь раненым песню пел. «Целебные чары Марины, Марины улыбчивый взгляд...»

Пришло время смущаться Марине. Лейтенант тихо засмеялся.

— Вот вы, оказывается, какая!

Чтобы скрыть смущение, Марина тоже рассмеялась.

— Ладно, Алишер, не разыгрывайте. Довольно об этом. Хотите чаю, с вареньем?

— Еще как хочу!

В темном небе послышался тонкий посвист, он нарастал, наливался воем. Лейтенант схватил девушку за плечи, швырнул на землю, сам свалился ничком. Совсем рядом ахнул взрыв, другой...

«Рама» улетела.

— Благодарю за заботу,— сказала Камилову девушка, поднимаясь с земли и отряхиваясь.— Не очень-то вы галантный кавалер. Разве можно так швырять? Чуть кости мне не переломали.

— Можно,— засмеялся Алишер.— Нужно так швырять. Ничего не попишешь — война.

— Верно. Так хотите чаю?

Они устроились в крохотной каморке, бывшем чулане. Здесь обитала Марина. Она рассказала свою несложную жизнь. Двадцать два года, учительница, комсомолка. Вот и все.

Алишер пил чай, густо сдобренный вишневым вареньем. Это было похоже на сказку: прекрасная девушка, чай, тишина...

И вдруг тишину разорвали разрывы снарядов. Лейтенант вскочил, надел фуражку.

— Куда вы, Алишер?

— В роту. Немцы начали артподготовку. Должно быть, опять сунутся.

Он выбежал из каморки, Марина вышла следом. Легла в окопчике. Лейтенант пропал в темноте. Но девушка все следила за вспышками разрывов. Хоть бы пронесло!.. Хоть бы...

Камилов свалился в окоп, где его радостно встретил Мирза.

— Кажется, начинается, товарищ лейтенант. Однако фрицы пока не лезут. От обстрела потери: двое раненых. Вот вечерняя сводка.

Лейтенант машинально протянул руку за сводкой. Положил в полевую сумку. В голове — звенело: «Марина. Марина!»

Алишер никогда еще не любил. Так уж сложилась его короткая жизнь. Окончив семилетку, поступил в сельскохозяйственный техникум. Получил диплом — и война. Мать осталась в кишлаке. А Алишер, окончив ускоренные курсы младших лейтенантов, очутился сперва под Харьковом, а теперь вот на Дону. Вот и вся био-

графья. Местечка в ней для девушки, для любви не находилось.

А теперь нашлось.

Мирза тронул задумавшегося лейтенанта за рукав.

— Подпишите сводку. Комбату доставлю.

Камилов, словно опомнившись, торопливо подписал сводку. Писарь покачал головой, буркнул:

— Ну и закорючка!.. Извините, конечно, меня, товарищ лейтенант. Если комбат усомнится в подлинности...

— Иди, иди,— сказал Камилов, улыбаясь.

Мирза, все еще покачивая головой, удалился со своей бумагой. Он уже прослышал о Марине, даже бегал на нее поглядеть. И теперь Мирза все понял: попался наш лейтенант! Мирзе было и радостно и немного грустно. Хорошая, милая девушка. Но... Ох, уж эта фронтвая любви! Сегодня любят, а завтра их хоронят! Ох, эта война!

Немецкой атаки ждали. Однако фрицы не спешили. Передумали, что ли?

С левобережья привезли завтрак в термосах. Лейтенанту не спалось. Где-то теперь Марина? Как она там?

В предрассветной мгле немцам удалось незамеченными подобраться к нашим окопам метров на сто. И все же их засекали в последний момент. Дежурные пулеметчики открыли шквальный огонь, солдаты выскакивали из укрытий, положив на бруствер винтовки и автоматы, стреляли почти в упор. Прибывший недавно радист настроил рацию, из которой доносился хриплый тенорок комбата:

— Алишер!— тревожно спрашивал он.— Как там у тебя?

— Терпимо. Подобрались почти до самых окопов. Но их все же прижали. Веду бой,— доложил Камилов, стараясь не выдать своего волнения.

— Держись, Камилов. Твоя рота на самом передке, с тебя спрос особый.

— Нельзя ли помочь нам минометами?

— А если по своим?

— Пусть минометчики поаккуратней. Даю координаты...

Ударили минометы. Яркие всполохи пламени взлетали почти у наших брустверов. Немецкая пехота попала в капкан. Назад нельзя — минометный огонь, вперед — тоже не пускают. Заработала немецкая артиллерия. Гитлеровцы рванулись вперед. Началось такое, чего не увидишь и в ночном кошмаре... Темень, разрывы мин и снарядов... Крики, стоны, сверкающие при взрывах гранат штыки...

Немцам удалось потеснить батальон Баталова. Теперь его оборона проходила совсем рядом с белым домиком и могилой Хамдамова.

Хорошо хоть, что комбат загодя приказал отрыть окопы. Тогда солдаты ворчали, мол, все копай да копай, одно наказание. Сейчас же оценили предусмотрительность Баталова. Не будь запасных окопов, как знать, может, и сбросили бы немцы батальон, полк в Дон.

Обжившись в новых окопах, Камилов с Мирзой заглянули на могилу Хамдамова. Вишенки возле нее посекло пулями и осколками. Земляной холмик скособочился от близкого разрыва снаряда.

Мирза взял в здоровую руку саперную лопатку, окопал холмик. Лейтенант вместо сломанной дощечки с надписью «Старший лейтенант Адыл Хамдамов. Пал смертью храбрых...» прибил новую.

Постояли оба, помолчали. Что они могли сказать своему погибшему командиру?

Появилась Марина. В руках она держала горшочек

с красными цветами. Девушка заметила лейтенанта, смутилась. Осторожно поставила цветы на могилу.

— Как раненые?—спросил ее лейтенант.

— Ни одного не осталось на этом берегу. Всех переправили.

— Переправили?—удивился Камилов. — Утром, под огнем!..

— Пришлось. Кто мог знать, что вы все же удержитесь на этом клочке земли?

— И вы?..

— А что оставалось делать? Пришлось переправляться вместе с ними. И вброд, и на лодке. Удивительно, но все окончилось довольно благополучно. Только разбило плот... Но потери незначительные. Видать, немцы растерялись от нашего нахальства. Да и некогда им было за нами охотиться. Бой шел жуткий.

— Вахабов жив?

— На том берегу. Тяжелый.

— Храбрая вы, Марина.

— Скажете тоже! Я — трусиха... Просто выхода другого не было.

— Храбрая, потому что трусиха?.. Здорово!

— Я просто трусиха.

Они посмотрели друг другу в глаза. Их глаза сказали все. А сами они молчали, прислушиваясь к тому радостному, поющему, заполняющему их чистые души. Как и до войны, сияло свежее утреннее солнце. Мир безбрежный звал: «Идите вместе, всю жизнь рука об руку!».

Но совсем рядом притаилась смерть.

В сером небе повис, рожками вниз, молодой месяц. Солдаты показывали ему монеты. Зачем — сами не ведали. Просто такой обычай. Молодому месяцу надо показывать серебро, тогда в жизни все будет хорошо. Но сейчас показывай, не показывай — война!

Камилов надеялся, что немцы наконец-то выдохлись в бесплодных кровавых атаках. В окопах невозможно было дышать от трупного муторного запаха.

Неужто выдохлись?

Но почему тогда такая гнетущая тишина? Не только на «пяточке». Всюду — тишина. И там — на востоке, за Доном...

Тревожное безмолвие не давало Камилову покоя. Он приказал солдатам спать по очереди, все ходил по окопам и траншеям, прикидывал, как улучшить систему огня. Наконец он утомился, зашел в крохотный, вырытый наскоро блиндаж. Рана засорилась. Надо бы ее обработать. Марину, что ли, попросить?..

Умаявшись за день, за многие дни и ночи, лейтенант прилег на шинель. Последнее о чем он подумал: «Ну вот, бойцам не разрешаю спать, а сам...»

И словно прочитав мысли лейтенанта, в блиндаж зашла Марина. Вместе с ней прибежал Верный. Он уселся возле лейтенанта на задние лапы, лизнул языком в нос. Появился Мирза. Алишер проснулся. Увидев Марину, решил, что она ему приснилась. Но веселый песик вновь изловчился лизнуть лейтенанта. Сон окончательно прошел.

— Марина? — обрадовался Камиллов. — Прямо не верится!..

— Извините, помешала.

— Что вы! Хорошо, что разбудили.

— Давайте посмотрим вашу рану.

— А!.. Сама заживет.

— Давайте!

При свете «катюши» — фитиля, вставленного в сплюсненную на конце гильзу от снаряда, — Марина стала разматывать бинты на шее Камиллова. Лейтенант обрадованно говорил:

— Сам аллах надоумил вас навестить меня, Марина! Вот это здорово. Я прямо на седьмом небе от счастья... Ой!..

Девушка прервала его излияния, неосторожно потянув за присохший к ране бинт.

— Больно?

— Да... Нет... Не очень.

— Хвастунишка. Конечно, больно.

— Еще как!

— Наконец-то соизволили признаться. А знаете почему — больно? Я слушаю вас, смущаюсь... Вот рука и сорвалась.

— Ах, Марина! Тысячу раз, миллион раз рахмат... спасибо Верному за то, что привел вас сюда!

— Это я его привела.

— И вам спасибо! Мирза...

— Здесь я, товарищ лейтенант.

— Что стоишь столбом? Неужели забыл об узбекском гостеприимстве. Собирай дастархан, будем угощать гостей.

Алишер усадил Марину на патронный ящик, расстелил плащпалатку. Мирза исчез и вскоре возвратился с газетным свертком в руках. Расстелил газету на плащпалатке, выложил полбуханки хлеба, горку рафинада. Поглядел в глаза командира. Камиров мигнул. Писарь со вздохом вынул «доппаек» лейтенанта — банку со сливочным маслом и начатую банку тушенки.

Камилов поправил на шее свежий бинт, сделал приглашающий жест.

— Мархамат, Марина, прошу, угощайтесь.

Верный тихонечко заскулил. Марина засмеялась, бросила щенку кусок сахара и хлебную корку.

— Мархамат, — повторил Алишер, чувствуя, что лицо его расплывается в глуповатой улыбке.

Мирза принес трофейный термос с чаем.

Девушка тоже улыбалась.

— Зажиточно живете, Алишер.

— Не жалуемся. Кушайте, Марина. Или мне придется кормить вас как маленькую, с ложечки?

— Нет, я сама.

Прижимистый Мирза растрогался, вновь куда-то сбегал и приволок огромный термос, в котором бойцам доставляют суп.

Схватил котелок, вылил из термоса остатки наваристой похлебки с макаронами.

— Кушайте, Маринаджан, — Мирза смутился. — Правда, тут не очень много. Зато, как у вас говорят, остатки сладки.

Марина ела солдатский суп из солдатского котелка. Он показался ей верхом кулинарного искусства. Алишер жевал бутерброд и восхищался. Как сказочная перри кушает. Ах, что я! Разве сказочные существа едят? Они же бесплотные духи. А Марина!.. Видно, что голодна, может быть, сутки во рту у нее крошки не было...

Мирза тоже восхищался. Он даже «помогал» девушке — жевал губами, глотал воображаемую похлебку.

Алишер и Марина заметили это, расхохотались.

Смущенный писарь разлил чай. Лейтенант спросил:

— Марина, отчего вы не эвакуировались?

— Хотела. Да потом... Сами знаете, что потом. Раненых тьма, ваши санитары и фельдшеры не справляются. Решила помочь. Я ведь специальные курсы окончила. Курсы медсестер.

— Опасно здесь, Марина.

— Жить на свете вообще опасно.

— Почему? — удивился лейтенант.

— Умереть можно.

— Я серьезно спрашиваю.

— Seriously? Отвечу тоже серьезно. Решила защищать свой дом, привыкла к вашей роте.

— Вот вы, оказывается, какая отважная, настоящая хамдамовка.

— Ах, отважная, да? Тогда, товарищ лейтенант, у меня к вам три официальные просьбы.

— Слушаю.

— Во-первых, прошу вас, дайте указание старшине Константинову внести меня в список личного состава. Во-вторых, дайте мне автомат...

— А в-третьих?

— В-третьих... Возьмите со мной вместе и Верного. Раньше я его, правда, Жучком звала. Но коли солдаты переименовали... Очень удачно, по-моему.

Камилов молчал, не зная, что ответить. Ведь здесь, на «пяточке»... Здесь не место девушке. Ее убьют, искалечат. Нет, невозможно!

Девушка по-своему расценила молчание лейтенанта.

— Если трудно раздобыть для меня еду...

Камилов улыбнулся.

— Ох и смешная вы, Марина, совсем девчушка. Разве дело в еде?

— Не надо мне еды, я сама прокормлюсь. Дайте... Дайте автомат Хамдамова. Я отомщу...

— Его автомат в моих руках. А дам я вам... Дам пистолет Хамдамова.

Марина схватила ТТ погибшего командира. И вдруг вскочила, порывисто обняла Алишера.

— Значит, вы меня взяли в роту, да?..

Она спохватилась, отпрянула от лейтенанта.

— Спасибо,— тихо вымолвила девушка.

— Ничего,— пробормотал лейтенант.

Мирза неодобрительно хмыкал. Все-таки, когда в

части женщина,— не порядок. Появляются странные слова вроде «очень прошу», «спасибо» и прочие вместо «слушаюсь», «так точно»...

И надо же! Именно в это время подполковник Веселов, осматривавший оборону полка, с трудом втиснул свое огромное тело в крохотный блиндаж. Увидев девушку, он оторопел.

— Что такое?.. Почему в расположении роты гражданские лица?— зарокотал его бас.

Лейтенант и Мирза, вскочив, не могли вымолвить ни звука.

Выручила Марина. Она очень толково объяснила, почему она здесь. Глаза подполковника потеплели. Славная девчушка! Чем-то она напоминает дочку, Аннушку. Только Аннушка рослая, смуглая, а эта — худенькая... Храбрая девочка.

Внешне, однако, Веселов своих чувств не выказал. Только бросил коротко:

— Переодеть в надлежащую форму.

И вышел.

— Вот и пронесло!— с облегчением сказала Марина.— А я, честно говоря, очень боялась этого огромного дяденьку.

Мирза строго поправил:

— Это не дяденька, а подполковник Веселов, командир нашего полка.

Все трое расхохотались.

— Дяденька!— лейтенант утирал платком выступившие слезы.— Ой... Не могу!..

Марина тоже смеялась. Но вдруг стала серьезной. Она вспомнила о том, что ночью тяжело ранило санитар-структора Сабирова. Как он там, бедняжка, на левом берегу, выживет ли?

Война, война! Когда же ты сгинешь, проклятая!..

Марина проснулась от взрывов, которые, казалось, поднимали дыбом землю. Блиндаж качался, балки потолочного перекрытия ходили ходуном, угрожающе потрескивали, меж них сыпалась земля. Девушка вскочила, не зная, что делать, рванулась к выходу.

— Куда!— крикнул Камилов.— Жить надоело?

Он схватил ее за руку, втащил в блиндаж, усадил на землю.

— Что... Что это?— растерянно спросила Марина.

Лейтенант не расслышал. Он догадался. Ответил, надрываясь:

— Артподготовка!

Девушка закрыла ладонями лицо, прислонилась к стене. Сердце ее билось гулко, надсадно. Вот, оказывается, что такое артиллерийский обстрел. Там, в «белом домике», было тоже страшно, но не так... Домик скрыт от глаз врага, возле него рвались лишь шальные снаряды и мины.

— Тяжелыми шурует, фриц поганый, свинячий хвост!— прокричал ей на ухо Камилов.

Страшный обстрел внезапно прекратился. Камилов высочил из блиндажа. Однако немцы не появлялись. Где-то далеко, на левом фланге, гремел бой. На правом — тоже гремело, но не так.

Марина выбралась наружу. Показался весь в земле, с большой царапиной на щеке, старшина Константинов. В руке — узелок.

— Давай назад, в блиндаж. Обмундировочку получай.

Он исчез, оставив в руках Марины узел.

Марина развернула узел. В нем оказались новенькая гимнастерка, армейская юбка, пилотка, командирский пояс, кобура для пистолета и яловые сапожки.

Все еще не пришедшая в себя после арналета, Ма-

рина неверными руками стала переодеваться. Все оказалось впору. У старшины, видать, не глаз, а алмаз. И где он все это умудрился раздобыть на перепаханном снарядами «пяточке»?

Она походила по блиндажу. Ай, как бы здорово было поглядеть на себя в зеркало, чтобы видно было всю, с ног до головы!..

Тут Марина вдруг сообразила, что санинструктора в роте нет. Теперь она — санинструктор. Схватив сумку, девушка пошла по окопам и ходам сообщения. К ее удивлению, жуткий артналет не принес больших потерь. Ей казалось, что вся рота смешана с землей, а в действительности — двое убитых и несколько раненых.

Вернулась в блиндаж. Нервная зевота одолевала девушку, а сна не было ни в одном глазу. Пришел Камиллов, на смуглом лице его застыло выражение тревоги.

— Что с вами?— спросила Марина.

— Нормально.

— У вас тревожный вид. Немцы сейчас пойдут на нас?

— Уже пошли, Мариначон.

— Пошли?!

— Немцы прорвались южнее, там, где у них был плацдарм на левом берегу Дона. Жмут всю. Комбат говорил. А он узнал у подполковника Веселова. Нам досталось рикошетом. Фрицы, видимо, убеждены, что мы, узнав об их прорыве, сами уйдем. Черта с два! Будем держаться. Атаковать будем. Приказ есть — держаться. Придет время и наш «пяточок» дорого обойдется фрицам. Нам бы высоту взять!.. Представляешь, Марина?— он, сам того не замечая, перешел на «ты». — Ведь погонят же в конце концов фашистов?.. Еще как погонят! Вот нашей дивизии и ударить им с «пяточка» во фланг!..

Марина промолчала. Погонят фрица! Пока что он гонит, дошел до Дона и вот теперь рвется к Волге.

Камилов, не дождавшись ответа, посмотрел на Марину и присвистнул от удивления.

— Йе!.. Да ты, Маринахон, уже в форме, заправский вояка. Поздравляю!

— Ничего не скажешь, внимательный вы человек,— ответила она чуть обиженно.— Или... Может, артобстрела перепугались, в глазах темно?

Алишер засмеялся.

Они помолчали. Марина вздохнула.

— Неужели?..

— Все равно погоним.

— Сила у немцев страшная.

— У Наполеона тоже была сила. А как потом он драпал!

— Вашими устами...

— Погоним фашистов. Обязательно погоним. Будем гнать до самого Берлина.

Девушка вздохнула.

— Эх... Сколько крови еще прольется, сколько вдов и сирот останется!

— За все ответит проклятый Гитлер!— Камилов сжал кулаки.

Пришел маленький курносый связист, доложил:

— Даю связь.

Он поставил полевой телефон на ящик из-под патронов. Лейтенант обрадовался.

— Наконец-то! А то воевали первобытным способом, хоть голубей с донесениями пускай.

Телефон тут же ожил — звонил сам Веселов. Он строжайше приказал: держаться — и никаких гвоздей. Зарываться в землю. Глубже, надежней. Ни шагу назад.

Камилов сказал: «Есть держаться! Есть ни шагу на-

зад!»— и невесело усмехнулся. Куда — назад? Дон позади.

Вечером командир полка Веселов собрал командиров рот и батальонов. Штаб расположился все в том же белом домике. Медицинскую часть перевели в другое место, под крутояр возле реки. Построили времянки. Раненые довольны, шутят: «Санаторий с видом на Дон».

Подполковник прикрыл дверь в соседнюю комнату, откуда доносилась непонятная скороговорка телефонистов и радистов: «Я роза... Я роза, как меня слышишь?». «Фиалка, чего молчишь... твою качель?!». «... Три, два, один... Прием!»

— Товарищи командиры,— начал Веселов, угрюмо сдвинув брови.— Прошу внимания... Враг, форсировав Дон на левом фланге, с боями продвигается к Волге. По имеющимся сведениям, немецкие войска сумели выйти на оперативный простор. Танковые и моторизованные части фашистов рвутся к Сталинграду.

Веселов умолк, густо откашлялся. Ему было тяжело говорить об этом наступлении немцев. Он переживал. Кадровый военный, он к тому же был родом из Сталинграда, и там находилась его семья.

Тишина царила в комнате.

— Наша задача,— вновь заговорил подполковник,— держать плацдарм, отбивать атаки и при малейшей возможности контратаковать!.. Ясно?

— Этим только и занимаемся,— угрюмо проговорил один из комбатов.

— И впредь этим придется заниматься,— ответил подполковник.— С утроенной энергией. Не просто сидеть и отбивать атаки. Самим атаковать, рваться на высоту 115,2. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Командиры расходились по своим подразделениям

хмурые, злые, усталые. Опять прорвались фашисты! Погибели на них нет, на проклятых. Ну ничего, ничего... Расквитаемся!

Так примерно думал каждый из них. Так думал и Камиров. И еще он думал о том, что его роте достанется особо, она «на острие», ближе всех от подножия высоты, которую во что бы то ни стало надо взять. Это приказ командования. Это — приказ Хамдамова. Не случайно Адыл-ака завещал: «Если погибну — похороните на высоте 115,2».

Неподалеку от штаба Камирова ждала Марина с Верным. Песик заглядывал лейтенанту в глаза и вертел хвостиком.

— Держи! — Камиров бросил Верному кусочек сахара.

Песик схватил угощение.

— Ну, Марина, — обратился лейтенант к девушке, — готовься воевать. Придется тебе своим ланцетом отрезать Гитлеру хвост.

— Все шуточки, — обиделась девушка. — А у меня на душе кошки скребут. Оставим плацдарм, не оставим?.. Ведь здесь мой дом. Да и вообще, хватит отступать!

— Вот именно, хватит! — лейтенант кивнул головой. — Так нам сейчас и сказали: хватит!

Полк Веселова продолжал держаться на «пяточке». Он даже потеснил гитлеровцев. Дышать стало полегче.

Но тут как раз пришли тягостные вести. Немцы прорвались к Волге. Началась великая битва за Сталинград.

В один из августовских дней подполковника Веселова вызвали в штаб дивизии. Начальник штаба, сухонький подполковник в профессорских золотых очках, сказал устало:

— Получайте пополнение. Люди рвутся в бой, однако подготовлены наспех. Займитесь ими. Подыщите подходящее место, скрытое от противника, и научите людей воевать. Задача ясна?

— Так точно.

— Хорошо. Учтите, надо готовиться к серьезному наступлению.

— Есть готовиться к наступлению!— пророкотал Веселов, а сам подумал: «Немцы у Сталинграда, а тут — наступать... Непонятно. Впрочем, наступать так наступать!»

Возвратившись к себе, командир полка прежде всего приказал добыть «языка». Затем занялся совершенствованием системы обороны, обучением искусству наступательного боя прибывших с маршевыми ротами пополнцев.

Однажды, проходя мимо вишневого садика, превращенного в кладбище, подполковник увидел лейтенанта Камилова. Тот принес на могилу Хамдамова букетик полевых цветов. Завидев командира полка, лейтенант смутился, встал «смирно», попытался доложить.

Веселов прервал его.

— Без рапорта обойдемся. На кладбище мы. Ну, чего стесняешься? Добрых чувств? Молодец, что не забываешь Хамдамова. Я заметил — на его могиле каждый день свежий букетик цветов.

— Бойцы не забывают. И еще... Есть у нас в роте одна девушка.

— Марина? Хорошая девушка, смелая. Зачислена в роту медсестрой.

— Рахмат, товарищ подполковник!— лейтенант улыбнулся.

— Рано благодарить. Дело в том, что полковой врач просит перевести вашу Марину в медсанроту.

Лицо лейтенанта вытянулось.

— Что, не понравилось? — Веселов улыбнулся. — В санроте ей будет спокойнее, не то, что у вас, где каждую секунду можно отправиться на тот свет.

Веселов был в хорошем настроении. Получил весточку о том, что семья его эвакуировалась из Сталинграда. Да и в полку дела стали лучше. Изрядное пополнение пришло, почти до штатного расписания.

— Товарищ подполковник... — голос Камилова пресекается. — А как же наша рота без медсестры?

— Ладно, ладно, разберемся. Признайся, влюбился в Марину, а?

Лейтенант смутился.

— Молчишь? Вижу — влюбился. Хочешь, сватом твоим буду? — Веселов хлопнул парня по плечу. — И музыкантов звать на свадьбу не надо, сами прибыли.

— Музыканты?

— Они самые. С пополнением. Земляки твои, узбеки. Служили в артистической бригаде по обслуживанию фронтовиков. Бригаду после тяжелых боев расформировали. Вот и прибыли к нам артисты. Ну, говори, нужны тебе?

— А воевать умеют?

— Не умеют — научишь.

— Тогда давайте, товарищ подполковник.

— Дам. А сейчас идем, лейтенант, хочу побывать на твоём наблюдательном пункте, собственными глазами поглядеть, что поделявают фрицы.

Они прошли ходами сообщения и остановились возле разбитой бани.

— Вот НП, товарищ подполковник, — доложил Камилов. — Отсюда ведем утренние наблюдения.

— Почему утренние? — не понял Веселов.

— Удобно. Солнце светит гитлеровцам прямо в гла-

за, слепит. А после трех-четырех часов дня наблюдаем, укрывшись в листве вот этого дерева.

— Молодец, лейтенант! — похвалил Веселов. — А ну-ка... — приложил к глазам бинокль. — Гляди, что-то там у фрица пылит?

— Знакомая картина, товарищ подполковник. Хитрит фриц. Привязывает к автомашинам и лошадям снопы и гоняет туда-сюда, видимость создает, будто к нему резервы подходят.

— Значит, очковтирательством занимается! — усмехнулся подполковник. — За это сам бог велел дать фрицу по башке. Однако прежде всего надобно узнать, что у него делается. Полковые разведчики ходили, правда, в поиск, но неудачно.

— Разрешите попробовать, товарищ подполковник, — вытянулся Камиллов.

— Занимайтесь своими делами, лейтенант, благо их предостаточно.

Из хода сообщения выскочила Марина.

— Товарищ подполковник, кто приказал идти мне в медсанроту, перебираться на левый берег? Никуда не пойду. Привыкла к хамдамовцам!

Веселов развел руками.

— Здесь, доченька, место мужчине...

— Чем я хуже мужчины?

Подполковник долго не отвечал. Затем произнес:

— Ладно, оставайся.

Марина захлопала в ладоши.

— Отставить!

— Извините, товарищ подполковник. Спасибо! Есть остаться в хамдамовской роту!

В сумерках в роту прибыло пополнение; восемна-

дцать человек. Старшина Константинов хмуро доложил Камиллову:

— Все узбеки, все музыканты, певцы, танцоры. Теперь в роте не соскучишься. Не знаю только, как воевать.

— Научим.

Неподалеку послышалась родная узбекская народная песня. Надрывно зазвенели струны дутара.

— Вот...— старшина вздохнул.— Под музыку теперь воевать будем.

Лейтенант не ответил. На душе его было грустно и радостно. Родная песня! Мирная песня. Хлопковые поля благословенной Ферганы... Будто белоснежные облака, опустившиеся на землю.

Камиллов вздохнул и отправился в первый взвод, которым теперь командовал Бек. Ему хотелось поговорить с круглолицым здоровяком, обрадовать прибытием земляков, да еще артистов.

Бек спал, положив голову на вещмешок и прижав к груди автомат. Лейтенант постоял возле спящего. Спи, спи, джаным! Сколько суток ты толком не смыкал глаз!

Над затихшими окопами, окутанными мглой высота-ми лилась старинная песня.

Вдруг со свистом пролетела мина, рванула. Еще мина, еще...

Песня оборвалась.

Лейтенант улыбнулся. У артистов, должно быть, душа в пятки ушла. Пойду проведу.

На крутояре возле реки сидели новички. Им что-то толковал старшина Константинов. Увидев командира роты, рывкнул:

— Встать! Смирррно!

Лейтенант махнул рукой, без рапорта обойдусь.

На земле разостлан из газет дастархан с сушеными

фруктами Тут же музыкальные инструменты — дутар, танбур, дойра.

Камилов мысленно посчитал бойцов. Их оказалось семеро.

— А где остальные?

Константинов усмехнулся.

— Фрицевские мины им понравились. На розыски отправились.

Из темноты стали появляться перетрусившие артисты. Они отряхивали с себя пыль, смущенно сопели, ожидая командирского разноса. Лейтенант, однако, не рассердился, поздоровался. Бойцы повеселели, послушались шутки. Люди теперь веселились над собственной растерянностью. Какой-то аскиябаз¹ воскликнул:

— Подумаешь, мина. Вот в нашем кишлаке козел был! Зверюга.

Камилов тронул старшину за плечо. Тот гаркнул:

— В две шеренги станови-и-ись!

Посчитали бойцов.

— А где восемнадцатый? — спросил Камилов.

Старшина молчал. Из темноты появилась Марина. Она вела под руку парня с марлевой повязкой на голове. Раненый, завидев командира, вырвал руку из руки Марины, неверными ногами встал в строй.

— Ахмедов, выйдите из строя. В санчасть, — приказал старшина.

— Я... Я не раненый.

— Почему тогда голова забинтована?

— Это... Когда от мины бежал, упал, лоб о камень расшиб.

Бойцы захохотали.

Лейтенант отвел их в сторонку, приказал сесть. Все

---

¹ Аскиябаз — остроумец (узб.).

расположились по-восточному, поджав под себя ноги. Камилов спросил тихо:

— Для чего вы прибыли сюда, лбы о камни разбивать?

Все напряженно молчали.

— Эх, вы... артисты!

— Товарищ командир!— взмолился Ахмедов.— Случайно вышло, больше не повторится.

— Верю. Надеюсь, что не повторится. Так для чего вы сюда прибыли?

Поднялся низкорослый, с необъятными плечами боец.

— Меня зовут Бабаяр, сын Хайдара. Прибыл из Бухары для уничтожения фашистских бандитов.

— Хош. Кто еще хочет сказать?

— Боец Хантов Нармурат. Родился в Самарканде, вырос в Багишамахе. Прибыл сражаться!

— Боец Файзиев из Андижана...

— Мусабеков. Ферганец...

Люди повеселели, взбодрились. Лейтенант заговорил:

— В Сталинграде камни превращаются в пыль, льется кровь рекою. А вы!.. Так дело не пойдет. Вы — в роте прославленного героя старшего лейтенанта Адыла Хамдамова. Он пал здесь, при штурме высоты. И роту его все называют хамдамовской. Так что вы — хамдамовцы. Цените. И еще — дорожите честью Родины.

Бойцы, взволнованные, молчали. Лейтенант приказал им построиться. Они потянулись было к своим музыкальным инструментам, но Камилов скомандовал:

— Отставить!.. Не на концерт самодеятельности идем. Старшина сдаст всю вашу музыку в обоз.

Лейтенант повел пополнение к сачоку, ставшему волей войны кладбищем. Бойцы замерли возле могилы. Камилов осветил фонариком, прочитал вслух надпись на дощечке, сказал торжественно:

— Старший лейтенант Хамдамов завещал похоронить его вон на том холме. На высоте 115,2. А он лежит здесь... Поклянемся же выполнить его волю.

— Клячемся!

— Клянемся!

— Клянемся!..

— Всех пополненцев — во взвод Бека, — приказал Камиллов старшине.

Старшего сержанта невозможно было разбудить. Кое-как растолкал Константинов. Бек стал было ругаться, но, узнав о пополнении, вскочил, обнял старшину.

— А, катта рахмат! Ай спасибо! Теперь воевать можно. А то что за война, когда семь человек во взводе? Держись, фриц!

Вторую неделю длилось затишье. Камиллову не верилось. Как на курорте. Правда, Алишер никогда на курортах не отдыхал. Но, все равно. Спи, ешь, любуйся природой. Вот так. Фрицы словно все передохли.

Однажды лейтенант проснулся, почувствовав, что его трясут за плечо. Он открыл глаза, вскочил.

— Товарищ подполковник!..

Веселов смотрел на него большими добрыми глазами.

— Садись, лейтенант, — Веселов вытащил из кармана пачку «Беломора». — Закуривай.

— Не курю, товарищ подполковник.

— Ты у нас как красна девица. Молодец. Ни к чему курить, баловство и вред. Что же тогда делаешь со своим табачным довольствием?

— Храню. Когда у бойцов кончается курево — раздаю.

— Молодчина. Чайку бы, а?

Лейтенант быстро вышел из блиндажа. Через некоторое время вернулся с обшарпанным чайником, из которого валил пар, достал две пиалы.

Отведав чаю, Веселов вздохнул.

— Чудо.

— Это кок-чай, товарищ подполковник, зеленый чай. Прибыло пополнение, земляки. Подарили пачку.

— Ну, как пополнение, годится?

— Хорошие будут бойцы. Я их тут на бережку учу уму разуму.

— Учи, брат, учи. Разведчики «языка» добыли-таки. Фрицы не случайно притихли, к броску готовятся. В Сталинграде бои идут. Наши держатся. Ну а здесь немцы хотят отвлекающий удар нанести. Так-то вот. Но и мы не лыком шиты. Придется нам все-таки взять эту высоту. Понял?

— Давно понял.

— Сообразительный. А ну, пошли на НП.

На дереве, укрывшись в листве, сидел Эрданов.

— Эрданов!— крикнул лейтенант.— Почему с утра ведешь наблюдение с дерева? Порядка не знаешь.

— Извините, товарищ лейтенант,— вмешался старшина роты.— Сегодня ведем наблюдение усиленное. И из развалин баньки, и с дерева... Немцы что-то замышляют. Пылят: вовсю.

— Опять очковтирательством занимаются?

— На этот раз — нет. Артиллерию подтягивают.

— Что же ты молчал?— рассердился подполковник.— Где телефон? Передайте пушкарям координаты.

Вскоре ударила наша артиллерия. Немцы ответили. Завязалась артиллерийская дуэль.

Камилову не спалось. На рассвете — атака. Какая по счету? Бессчетная...

Почему Веселов пришел лично к нему, к Камиллову? Ведь не одна рота будет атаковать — батальон, полк со средствами усиления. Но ведь наша рота — хамдамовская. С нее особый спрос.

Надо все же вздремнуть перед боем. Так хочется спать — и не спится. Посчитаю до сотни.

Алишер перевалил за тысячу, но сна не было. Он вдруг почувствовал прикосновение ко лбу чего-то мягкого, шелковистого. Открыл глаза — над ним склонилась Марина. Это ее волосы касались его лба.

Девушка отпрянула, смутилась.

— Марина!

— Саям, товарищ лейтенант, — поприветствовала его Марина, стараясь обрести официальный вид. — Я снова с жалобой. Оставит, наконец, полковой врач меня в покое или нет?

— А в чем дело?

— В санроту зовет. И вообще...

— Понятно. Поколотить его, что ли?

— Не надо. Лучше подполковнику скажите.

Алишер рассмеялся.

— Не умею я жаловаться, Маринохон. Ну а что — полковой врач?

— Говорит, не девичье дело — штурмовать высоту.

— И это все? — рассмеялся Алишер. — Правильно говорит. Отправлялась бы в тыл, Марина.

— А я не хочу вас одного оставлять.

— Да у меня — рота.

Девушка смотрела на Алишера так, словно им предстояло расстаться навсегда.

Алишер чувствовал, что надо что-то сказать — ласковое, нежное. Но слов не находил. Слишком большое чувство жило в нем, чтобы выразить словами. Он взял руку Марины, тихонько сжал ладонями.

Долго они так сидели, отрешенные ото всего на свете — от предстоящего боя, от мира...

Наконец Алишер нарушил молчание.

— Иди, Марина.

— Никуда я не пойду. Буду рядом с тобой.

— Скоро...

— Я останусь.

— Спасибо.

— Расскажи о себе, Алишер.

— Нечего. Родился. Учился. Теперь воюю. Вся биография. Пора, Марина.

Лейтенант поднялся, повесил на шею автомат.

Они расстались. Марина занялась подготовкой медикаментов. Камиллов отправился по взводам. В первом взводе Бек читал бойцам «Письмо узбекского народа» к воинам. Люди слушали пламенный наказ внимательно, напряженно. Закончив чтение, Бек сложил газету, сказал просто:

— Мы готовы, товарищ командир.

План боя был поломан с самого начала. Немцы нанесли упреждающий артиллерийский удар. Завязалась артиллерийская дуэль.

Марина находилась на НП, в развалинах баньки, и сердце ее обмирало. Девушке казалось, что каждый вражеский снаряд обрушивается прямо на голову Алишера. Кругом клубилась едкая солончаковая пыль, грохотали огненно-черные разрывы.

Марина заплакала.

Рука опустилась на ее плечо.

— Не надо плакать, доченька.

Это подошел Веселов с комбатом Баталовым.

— Не бойся, — вновь успокоил подполковник.

— Я не за себя боюсь.

— Понятно. Эх, не послушалась, не ушла в сапроту.

— Я больше не буду плакать.

— Это другое дело. Твой лейтенант, знаешь какой? Железный парень. Такие ни в огне не горят, ни в воде не тонут.

Телефонист с подвязанной к уху трубкой доложил:

— Лейтенант Камилов.

Марина инстинктивно шагнула вперед, но Веселов, словно не заметив ее, схватил трубку.

— Камилов? Доложи обстановку.

— Подбираюсь к цели. Тяжело.

— Всем тяжело, Камилов. Наведи артиллерию.

Камилов дал координаты.

— Желаю успеха!

От этих слов сердце Марины сжалось. Подполковник для Алишера и для нее как отец родной. Жалеет, любит. А Алишеру — еще самые ответственные, самые опасные задания дает. Суровая и честная любовь.

— Камилов захватил траншею возле подошвы высоты, — доложил Баталов. — Дальше пока немцы не пускают. И роту, и батальон.

— А ты что, ждешь, когда фрицы транспарант вывезут: «Добро пожаловать, рус Иван!»?

— Немцы установили минные поля.

— А саперов я тебе для чего дал?

Вновь позвонил Камилов. Он доложил о том, что преодолел минное поле на подъеме к высоте. Окапывается. Дальше продвинуться нет возможности. Об этом докладывали и другие ротные. Веселов крикнул и быстро зашагал с Баталовым на свой НП.

Уже рассвело. Стали прибывать раненые. Первым привели Ахмедова.

Парень, тяжело дыша, произнес:

— Отвоевался, Марина. Эх, жаль. Только двоих заколол!..

— Хватит с тебя. Если бы каждый двоих...

— А помнишь, как я шишку себе набил, спасаясь от мины?

— Помню, не забыла. А воевать ты еще будешь, Ахмедов. Рана не тяжелая.

— Йе!— воскликнул Ахмедов.— Тогда я назад.

— Нельзя, рану надо обработать. Подожди, Ахмедов. Вот перевяжу раненых и помогу тебе добраться.

— Спасибо, сестричка.

Немного погодя они отправились к Камилову. Вдруг Ахмедов быстро лег и показал рукой Марине — ложись. Над их головами свистели пули, неподалеку рвались мины. Ахмедов прокричал ей в ухо:

— Снайпер здесь. Следи за мной и сделаешь потом, как я.

Ахмедов пополз, притаился и вдруг, оттолкнувшись, прыгнул через воронку. Плюхнулся, исчез в овражке. Раздался запоздалый выстрел снайпера.

Девушка тоже поползла, прыгнула, скатилась в овраг. Вот и свон. Но на кого они похожи? Все в крови, глаза воспалены... Кто этот человек в разодранной сверху донизу гимнастерке, с кровоточащей раной на щеке?! Ой!

Перед ней стоял Алишер. Ее Алишер.

Лейтенант глядел на нее невидящими глазами.

— Алишер!

Лейтенант вздрогнул. Он наконец-то увидел Марину, шагнул к ней.

— Зачем пришла?

— Что с тобой, Алишер?

— Ничего. Угостили фрицев... Долго будут помнить. И «артисты»... новенькие... молодцы. Удержали траншею.

Теперь туда надо,— он кивнул на немецкие окопы, опоясывающие высоту как раз по ее середине.

Заныл зуммер. Телефонист протянул лейтенанту трубку.

— Порядок, товарищ двадцатый... Извините, не слышу. Плохо слышу. Нет, связь работает нормально. Это я плохо слышу. Понятно. Готовимся к броску. Остальные роты?.. Ясно. Буду поддерживать огневую связь. Как думаю атаковать?.. Рванемся, забросаем гранатами, ворвемся в окопы. Спасибо, товарищ двадцатый!

Лейтенант положил трубку. Попросил напиток. Эрданов протянул ему котелок. Камиллов пил долго, большими глотками. Остатками воды ополоснул лицо.

Марина подступила к нему с бинтом в руках.

— Дай перевяжу щеку.

— Потом.

— Поели бы малость, товарищ лейтенант,— угрюмо произнес старшина Константинов.— И немецкий шнапс имеется, и консервы.

— Убери фрицеву жратву с глаз долой.

Подошел, прихрамывая, Ахмедов.

— Я того снайпера кончил.

— Хощ,— кивнул Камиллов.— Выпьешь немецкого шнапса?

— Хорошо бы.

— И я с Ахмедовым попробую,— сказала Марина.— Снайпера снял. Молодчина.

Константинов разлил по кружкам, спросил Камиллова:

— Может, все же и вы отведаете, товарищ лейтенант?

— Когда высоту возьмем.

Марина приложила кружку к губам, скривилась.

— Ух, какая пакость!

— Верно,— согласился старшина.— Вонн навалом, а крепости шишь градусов.

Прибежал запыхавшийся Мирза.

— Порядок, товарищ лейтенант!— весело заговорил писарь.— Дивизия переправляется на «пяточок». И соседняя дивизия наводит переправу.

— Нам бы танков!— мечтательно произнес лейтенант.— Обтекли бы мы тогда высоту с флангов!..

— Нету пока танков. Зато вот, взамен убитого, нового радиста с рацией привел.

— Спасибо.

Радист, худосочный парнишка в железных очках, стал расставлять свое хозяйство. Вскоре заработала рация. Радист доложил почтительно:

— Штаб армии запрашивает.

Камилов вздрогнул. Осторожно подошел к рации.

— Лейтенант Камилов... Здравия желаю, товарищ генерал!.. Почему открытым текстом? Другого нет, не успели... Да, я «огонь», слушаю,— Алишер заулыбался.— Спасибо, хозяин. Будет исполнено.

Он отошел от рации.

— Старшина.

— Здесь,— тихо отозвался Константинов.

— Как с боеприпасами?

— Порядок.

— Накормил людей?

— Едят.

— Раненые?

— Всех отправили.

Лейтенант прерывисто вздохнул. Так вздыхают люди перед тем, как окунуться в ледяную воду.

— Ну, йигиты, теперь держись!

Камилов обдумывал план предстоящего штурма вер-

шины высоты 115,2. Ничего хитрого ему не приходило на ум. Вперед — и все. А на высоте — пулеметы! Людей зря положишь! Ох, высота, высота!.. Теперь уже фрицы сидят в окружении. Ничего не скажешь, держатся здорово. И зачем только они держатся?

Подошел Бек.

— Лейтенант?

— Да.

— Мыслишка одна имеется насчет высоты. Дикая мыслишка.

— Давай дикую.

— В лоб, лейтенант, высоту не возьмем.

— Знаю.

— Надо брать ее по-хамдамовски, лихо, но с хитростью.

— Ну-ка...

— Помните, что осталось на высоте, когда мы отошли.

— Нет.

— Мины. Ящиков тридцать.

— Врешь!

— Зачем врать. Яма там огромная есть. В ней мины. Замаскированы, сверху камнями завалены. Явились тогда саперы, чтобы заминировать подступы к высоте. А тут липовый приказ — отойти. Саперный лейтенант и говорит: «Вот и лады, доложу, что установил минное поле».

— Ну так что?

— Позвольте мне ночью пробраться на вершину и подорвать минный склад.

Лейтенант замер. Свихнулся Бек, что ли? Ведь это — верная гибель.

— Позвольте, лейтенант.

— Ты спятил.

— Иного выхода нет... Как грохнут мины — атакуйте.

— Бек!

— Я решил, товарищ лейтенант. Советовался с Хамдамовым. Он одобрил.

Камилов внимательно посмотрел на Бека. Действительно, советовался с Адылом. Это точно. И я ведь с Адылом советуюсь.

— Разрешите!..

Алишер обнял Бека.

— Прощай, Бек.

— Прощайте, товарищ лейтенант.

Марина с ужасом смотрела на Бека.

Когда тот ушел, бросилась к Камиллову.

— Останови его, Алишер! Пока не поздно...

— Поздно.

...На рассвете грянул чудовищной силы взрыв.

— Вперед! — приказал Камиллов.

Немцы ударили из уцелевших пулеметов, однако рота Камилова броском сумела вцепиться в вершину высоты.

— Уррра! — ликовал Камиллов.

На высоте развевалось алое знамя.

Радоваться, однако, было рано. Немцы подтянули резервы, полезли на высоту, как саранча. В роте осталось всего одиннадцать человек. Они отбивались, но гитлеровцы продолжали атаковать.

— Радиста ко мне! — приказал Камиллов.

Появился радист.

— Дай Веселова.

— Есть Веселов, товарищ лейтенант.

— Товарищ подполковник, — стал докладывать Камиллов. — Мы на вершине высоты, но окружены. Гитлеровцы насаждают. Нас всего трое человек. Прошу артогня...

Камилов дал координаты.

Подполковник молчал. Наконец произнес:

— Ты что, шнапса отведал? Какие координаты даешь? Ты же сидишь на этих координатах!

— Немедленно дайте огонь. Единственный выход.

Снова молчание. Затем — голос Веселова:

— Так ты... Сынок!.. Спасибо, сынок...

С ревом, со свистом обрушились на высоту наши снаряды. Марина, вскинув руки, рухнула. Упал Эрданов...

Наша артиллерия продолжала перепыхивать вершину.

Камилов лежал и мысленно разговаривал с погибшим старшим лейтенантом: «Взяли высоту, Адыл-ака! Взяли. Теперь не уйдем. Навечно взяли, джаным!¹»

Наконец наша артиллерия смолкла. Раненый и оглушенный, лейтенант с трудом поднялся с земли. Скаты высоты были покрыты телами гитлеровцев. Лейтенант долго молчал, облизывая задревеневшие губы. Наконец, пришел в себя, крикнул:

— Эй!.. Кто есть живой?

Никто не откликнулся. Камилов провел ладонью по лбу и заплакал.

Он глянул на рацию. Рядом лежал сраженный радист. Рация заговорила голосом Веселова:

— Камилов... Камилов!

— Я — Камилов.

— Жив?

— Высоту удерживаем. Дайте хоть десяток бойцов. У меня никого больше не осталось. Один я.

— Что?!

— Никого не осталось, говорю... Подбросьте...

---

¹ Дж а н ы м — дорогой (узб.).

Он тяжело опустился на землю.

Алишер открыл глаза и увидел щенка, который тыкался ему носом в лицо.

— А-а... Верный... Хорошая моя псина...

Затем он услышал голос Веселова.

— Жив?

— Не знаю.

— Значит, жив!

— Хамдамова... Старшего лейтенанта Хамдамова... Похороните на высоте...

И вновь — тьма.

Он увидел родной кишлак... Тополя... Откуда они? На высоте все перевернуто вверх дном!.. Нежно зеленеют тополя. Разве сейчас весна?.. Школьники бегут с уроков... И я точно так бежал... Совсем недавно... Давно. Тысячу лет назад. Дверь родного дома... Кто посмел вырезать на двери?.. Что это?.. «Алишер+Марина»...

* * *

Камнлов тяжело подымался на поросшую травкой высоту. Солнце сияло над головой.

Эх, сердце-сердце! Сдавать начинаешь.

Алишер провел ладонью по седой голове.

— Маринахон.

— Да, Алишер.

— Помнишь? Как четверть века назад?..

— Разве такое забудешь!

Они медленно зашагали к вершине.

— Эх, Маринахон!.. Везде я тебя искал. Только вот здесь... В твоей родной станице... Не догадался. Все здесь начисто снесла война. Думал, в другом месте ты, если только жива.

— А я — здесь.

- И замуж не вышла.
- Тебя ждала.
- А я вот... Прости меня, Марина!
- Это не ты — война виновата.
- Все равно прости.

Они поднялись на вершину. Подошли к мраморной плите с надписью:

«СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ХАМДАМОВ АДЫЛ
1916—1942

ПОГИБ СМЕРТЬЮ ГЕРОЯ ПРИ ШТУРМЕ ВЫСОТЫ».

— Правильная надпись, — тихо произнес Алишер.
Возле мраморной плиты лежала проржавевшая каска.

Он нагнулся, погладил каску.

— Ассалам алейкум, Адыл-ака!

Марина взяла Алишера за руку.

— Знаешь, как называется высота!.. Высота Хамдамова.

Алишер понурился.

— Вот что от тебя осталось, ака. Высота...

— Скольких таких высот осталось вместо людей! —
Марина отвернулась, смахнула слезу.

Двое пожилых людей стояли возле могильной плиты, взявшись за руки, словно собрались вместе идти на край света, до конца жизни.

Над ними сияло жаркое солнце.

Вечером сержанта Салнева вызвали к генералу.

Шел снег. Мелкий, густой, упорный, он окутывал деревья белыми покрывалами, застилал тропинки, но Салиев, и не видя, угадывал их под снегом: шесть долгих месяцев торил сержант тропы в этом лесу!

Здесь они, бойцы, рыли окопы, устанавливали проволочные заграждения, здесь, на опушке, закладывали мины и фугасы. Каждая пядь земли истоптана солдатскими сапогами. И долго ли еще ходить им по этому лесу?

Что-то подсказывало сердцу: может быть, и недолго. Ведь не зря же его, сержанта, вызвали не к командиру роты, не к комбату, не в штаб полка — к самому генералу! Вот бы знать, зачем?..

Задумавшись, Салиев и не заметил, как дошел.

Генеральский командный пункт — в хорошо замаскированном блиндаже. Вокруг тишина. Скрипнула дверь, пахнуло сыростью и теплом. Собравшись с духом, сержант звонко отчеканил:

— Товарищ генерал! Сержант Салиев по вашему приказанию прибыл!

Генерал Иевлев стоял у чугунной печки, держа в рв-

ках жестяной чайник. Оглянувшись, он сказал с улыбкой:

— Ну, проходи, сержант, садись, сейчас я тебя чайком угощу.— Протянув чайник, генерал спросил сержанта:

— Чай заварить сумеешь?

Салиев ловко подхватил чайник, поинкал глазами — и услышал:

— Заварка найдется, с собой вожу...

Протянув Салиеву чайницу, генерал добавил:

— По глазам твоим вижу — чаевник. Ну, ну, отдашь генеральского чаю... Дай-ка, я сам заварю!

Сержант неохотно поставил чайник, улыбка сползла с его лица. Генерал, поколебавшись, махнул рукой: ну, давай ты...

У каждого настоящего чаевника свой, единственный — и самый лучший, конечно, способ заваривать чай. Сержант священнодействовал. Положив в нагретый чайник заварку, он мгновенно залил ее крутым кипятком да еще чайник окатил сверху...

Чудесный запах индийского чая наполнил землянку. Генерал, хотя и доверил сержанту таинство заварки, разливал сам, приговаривая:

— Как-никак, ты у меня в гостях!

Давненько не пил сержант такого чаю. Разве это напиток для знатока — чай, заваренный в обеденном котле, да если пьешь из жестяной кружки! А тут... И заварка первый сорт, и чашка фарфоровая, и протягивает ее сам генерал!

Всем чаям — чай!..

— Заваривать ты мастер,— заметил генерал,— но не чаевничать мы с тобой сюда собрались...

Благодушно-приветливое выражение исчезло с его лица, оно словно стало жестче и старше. Уже без улыбки он сказал:

— Хочу поручить тебе одно дело, думаю, что согласишься с ним как следует...

Сержант вскочил, вытянулся. Генерал, жестом вернул его на место, развернул карту:

— Вот тут немцы мост построили. Очень нужный мост — для нас. Так вот, ты пойдешь и этот мост заминировать...

Сержант не понял, зачем минировать «нужный» мост? Не удивляйся, сержант. Не все на войне решается в лоб. Воюет не только оружие — маневр. О военной хитрости забывать не стоит...

Вот мост. Немцы построили его, чтобы пойти в наступление против войск генерала Ивлева и дальше пробиваться к Москве. Зря старались! Кончик нити уже у нас в руках, скоро и весь клубок разматываем...

В белых маскировочных халатах, ползком, саперы сержанта Салиева пробирались к мосту. Вот он весь, как на ладони.

На мосту двое часовых. Один движется с того конца моста, другой — ему навстречу. Дойдут до конца — и снова шагают, безостановочно, как два маятника, качаются взад-вперед. По съезжившимся фигурам, по деревянной поступи видно: устали фрицы, озябли...

Вот они встретились на середине моста. Остановились. Стоя лицом к лицу, торопливо свернули самокрутки. Словно по команде, одновременно вытащили зажигалки. Закурили...

Дело обычное, вокруг все спокойно.

Вот один — усталость, что ли, одолела? — оперся на перила моста. И исчез...

Его напарник остолбенел. Где второй часовой? Вознесся на небо? Провалился под землю? Растерявшись, он

тоже перегнулся через перила, вглядываясь в зыбкую тень под мостом...

И почувствовал, что его схватила, стиснула неведомая сила. Ни вскрикнуть: завязан рот. Ни выстрелить: автомат исчез в тот же миг...

И вот уже по мосту снова расхаживают двое в немецкой форме. Это саперы Салиева. До немецких окопов не донеслось ни стука, ни вскрика...

Между тем, остальные бойцы Салиева быстро и ловко прикрепляли мины к сваям и балкам моста. Вот уже все готово для взрыва.

Один раз чиркнул спичкой — и мост взлетит на воздух. Сейчас Салиев отдаст приказ...

Но Салиев не торопится. Он велит отходить саперам, которые были заняты минированием. Отбирает спички у того, кто только ждал приказа: «Поджигай!». Не доверяет? Хочет сделать все сам? Тогда зачем прячет спички в кармап? Так тянуть — и до рассвета дотянешь!

... Бойцы отходят. Под мостом теперь один Салиев. Сейчас вспыхнет огонек... Не вспыхивает. Ну, вот, дотянул Салиев, дождался... Идут немцы сменять посты. Завязалась перестрелка. Салиев уже здесь, со своими саперами, а мост так и не взорван...

Поднятые по тревоге, немцы, сообразив, что произошло на мосту, забегали как угорелые. Какая беспечность! Русские сумели заминировать мост! Хорошо хоть, что взорвать не успели!

... И вот еще удача: кто-то из русских — раненый или просто в панике? — обронил на мосту планшет.

На столе перед генералом Крюге лежит планшет. Из планшета вынута оперативная карта. На ней, как на ладони, участок фронта. Вот немецкие позиции — неме-

ра, названия частей. Вот позиции генерала Иевлева. Полки, батальоны, оборонительные рубежи. Все точно, как на немецкой карте. Нет, не совсем. Другие номера, обозначения. Явная передислокация сил!

В штабе завязались горячие споры: что это за перетасовка частей, подразделений? Впрочем, главное было очевидно: русские уходят отсюда, скапливают силы на другом участке. Поэтому они и хотели взорвать мост — чтобы их не смогли преследовать! Куда же уходит Иевлев? И это ясно: номер его дивизии появился на левом фланге. Хочет ударить сбоку. Помешать новому большому наступлению на Москву! Бесплодные попытки...

Предупреждая русских, генерал Крюге перебросил основные части своей пехоты на левый фланг. За мост, отбитый у русских, он был спокоен. И все же разминировать мост не велел — на всякий случай. Но пушки, его обороняющие, также приказал перебросить в другое место.

Разведка подтвердила первоначальные данные о противнике. Иевлев приступил к выполнению давно задуманного плана.

С рассветом был открыт огонь из всех орудий. По проходам, с ночи разминированным саперами, пошли сначала танки, потом пехота. Они начали движение через мост — на противоположный берег реки. Когда находящийся в распоряжении Иевлева танковый батальон вступил на мост, немецкие саперы получили приказ: «Взорвать!».

Что ж, русские облегчили им хотя бы эту задачу... Они подожгли протянутый советскими саперами бикфорд шнур. До взрыва остались секунды, немцы попрятались в укрытия...

Содрогнулась земля. Мост!

...Нет, рано обрадовались саперы генерала Крюге.

Те мины, что заложил сержант Салиев, были фальшивыми. Земля содрогалась от мощного гула — шли советские танки.

Так зимой тысяча девятьсот сорок первого года началось наступление советских войск на один из участков фронта под Москвой.

В прежние времена кем ты был, человек, труженик? Кто уважал тебя, твое достоинство? Не именем тебя называли — кличкой...

Было так и в Карамурче: кого прозовут по богатству, кого по ремеслу, а иным припечатывали на всю жизнь и телесный недостаток. Прозовут — и прилипнет кличка, не упомянешь ее, жители Карамурча и не узнают, о ком речь. В списках населения так и значилось: Эрка-неженка, Юнусали-староста, Темир-силач, Хайдар-маслодел, Ариф-лентяй...

Грянул Октябрь.

Пришло твое время, труженик. Ты стал Человеком. Конец оскорбительным кличкам и прозвищам!

Но наступил он не сразу. При первых переписях населения еще можно было прочесть «Исмаил-курильщик», или «Гозы-меченый».

В списках членов колхоза, в списках избирателей кличкам уже не было места.

Недавно побывал я в этом кишлаке. И что же? Снова прозвища в ходу?

...Была пора, когда в зеленом уже проблескивает осеннее золото, но осень еще не закричала во весь голос: я пришла! Даже урючины, желтеющие всех раньше, прячут от взора осенние свои украшения, лишь косой луч заходящего солнца вдруг высветит золотую серьгу...

Памятно с детства: весной даришь девочкам гибкие ветки тала — вплетать в косички, струящиеся по плечам. А осенью — листья, точно омытые золотой водой: вот вам и кольца, и серьги, и браслеты!

Я шел, замороженный: ну и деревья в этом кишлаке, ну и деревья! Стволы-колонны подпирают могучие купола. Шелковый шелест стоит над улицей, и ветер, перебирая зеленую листву, напрасно ищет золотые серьги — красу осени...

Вышли на околицу. Здесь и повстречалась нам эта женщина.

Одетая по-местному, во всем походила она на своих наманганских сестер. Что же делала она тут, у подножия холма, чего искали ее глаза в куполах деревьев? Не осеннего же золота!

— Чего она тут ищет? — спросил я своего спутника.

— Да как всегда!

— Что — как всегда?

— Да это же Кучкарабада жена! — воскликнул он. — Разве не узнали? Нашего Кучкарабада!

Я пожал плечами.

... В любом кишлаке есть свои, почитаемые всеми люди. Они — во главе всякого дела, в каждом доме для них приготовлены почетные места. Это их имена не сходят со страниц районной газеты, ими гордятся односельчане. Со временем так привычны для слуха земляков становятся эти имена, что им уже кажется — и во всем мире не найдется человека, кто бы их не знал.

Оттого, видно, и был изумлен мой собеседник, — я пробормотал, извиняясь:

— Слышал о нем, да что-то не вспомню...

Спутник мой, бросив взгляд искоса, усмехнулся, должно быть, позабавило его мое невежество. Так кто

же она все-таки — жена Кучкарабада? И что такое Кучкарабад — имя, название?

— А... это здесь? — спросил я нерешительно.

— Что?

— Кучкарабад...

— Скоро дойдем.

Я опять задумался. Если Кучкарабад — название кишлака, как может быть эта женщина «женой Кучкарабада»? Прозвище? Странно...

Очень захотелось мне узнать, в чем тут дело. На вопросы мой спутник отвечал:

— А вот у нее самой и спросите. Жена Кучкарабада рассказывает мастерица...

Так я все и записал, как она рассказала, — эта невысокая, крепко сбитая, смуглая, подвижная, словно огонь, женщина...

... Холмистую степь прорезал арык Уйгур — на нем и стоит кишлак Карамурч. Почему «Уйгур» — никто не знает, в этих краях уйгуры не живут.

На берегу арыка — то играя в песок, то в камушки, то мирясь, то ссорясь, и росли они — Кучкар и Ойшахон, росли, пока нити двух судеб не слились, не сплелись воедино...

Кучкарова отца прельстила шеголиха Сабира, продавщица сельского магазина, когда мать юноши умерла.

По матери тосковал Кучкар. От мачехиных насупленных бровей куда убежать — не знал. Тесным показалось отцовское подворье...

— На воздухе буду спать. К звездам поближе, — и Кучкар, собрав одеяла и подушки, вынес свою постель на крышу. Да только и здесь не нашел покоя. Сны тревожили. Вот мать... родное, любимое лицо... Метнулся Кучкар во сне — и упал с крыши...

Врачи в Намангане спасли ему жизнь, но вот юно-

шескую стройность, прямоту стана сохранить были не в силах...

А тут разразилась иная гроза — над головой всего народа. Кучкар вышел в поле, преодолая слабость. «Кость в работе крепнет», — вспомнилась пословица.

Что ни день — все меньше увидишь на просторах полей черных тюбетеек, все чаще мелькают цветные платки...

Мужчины кишлака уходили на фронт. Кучкара назначили бригадиром. Шли годы — нелегкого, беспокойного труда.

И в одно майское утро всех разбудил крик: «Победа!»

Возвращались с фронта мужья, сыновья. Теперь было кому на плечи передать груз бригадирства.

...А что ж теперь делать Кучкару?

Одной Ойшахон поведал он свою мечту.

...Целина!

Мало ли их вокруг Карамурча — каменистых, бесплодных холмов?

На один из них и взобрались Кучкар с Ойшахон. Далеко видно с высоты! Вон в той стороне — Наманган. А здесь — горизонт замыкают горы.

Ветер ударил в лицо. Свежесть, простор...

Пришел Кучкар к тогдашнему председателю колхоза, Мамаджану Каюмову:

— Разрешите, мы хотим обводнить холмы...

— Разрешаю!

... Кучкар начал пробивать грудь горы, копать арыки. А председателя — перензбрали. Пока новый войдет в курс дела и разберется, что к чему...

Ойшахон недолго думала:

— Что время зря терять! Сыграем свадьбу...

В трудную годину выпало им встретить свое счастье. Родимый край еще залечивал раны войны. Всюду —

нехватки, недостатки. Пусты полки магазинов. Люди трудятся, не разгибая спины. Нечем украсить свадебный стол, за здоровье молодых — хоть чистой водой наполняй стаканы!

И все-таки это было настоящее веселье.

У Ойшахон была подруга Холдар, на весь кишлак одна такая — она и музыкантша, она и певица, она и плясунья, словом, «заслуженная артистка Карамурча». С единственной своей дойрой ходила она на все празднества и торжества.

Но вот зарокотала вновь старенькая дойра — со всех улиц и переулочков начали стекаться люди в угловой дом. «Миром, — сказано, — и зайца поймаем». И мука нашлась, и крупа нашлась. Пospel плова казан — и свадьба закипела. Дойра Холдархон гремела не замолкая. Кого в кишлаке много, так это танцоров. Были танцоры — только денег под тюбетейку никому не подсовывали, а так — все было по обычаю.

... Теперь двое — стали одно. И дело у них было общее — привести воду на холмы. Вдвоем пошли просить помощи у нового председателя — Умурзакова.

Дадахон Умурзаков оглядел их с головы до ног с любопытством. И сказал: «Мышь не могла пролезть в нору, так еще решето к хвосту привязала!»

— Это как понимать? — спросили муж с женой.

— Когда сил не хватает, чтобы долину как следует обработать, чего нам еще на холмы заглядываться?

Пришлось и Кучкару с Ойшахон спуститься в низины, но душа их осталась там — на высоте...

И снова сменился в колхозе председатель. И опять пришел к новому Кучкар:

— Ахмеджан-ака, разрешите продолжить начатое дело...

На словах председатель одобрил смелое намерение

двух комсомольцев. А в душе подумал: «Не по зубам этот каменный орешек нашему колхозу...»

Не двинулось дело и при этом председателе. Дождался Кучкар новых выборов. Нового раиса, Турсунбая Шакирова, звал поглядеть холмы. Красоту их. Богатую, нетронутую землю...

— Созовем стариков,— сказал председатель.

Аксакалы кишлака в один голос одобрили мысль Кучкара. Но и тут слово не претворилось в дело — погряз председатель в «текучке», забыл...

Новые выборы. Кучкар — председатель колхозного совета урожайности.

— Вот когда солнце взойшло над нашими холмами! — ликовала Ойша.

Первые шаги Кучкара в новой должности — по тропе, ведущей к холмам. На берегу арыка Уйгур он установил насос «Андижанка».

Гуденье насоса собрало чуть не весь кишлак. Всем, от мала до велика, бросил клич Кучкар:

— На хашар!

Всем миром сколачивали деревянные желоба. «Андижанка» погнала по ним воду. Как снаряд, должна была она взлететь на высоту. Да ведь вода не сталь, она текуча... Нашла щели в желобах. Пробилась, потекла обратно — в материнское лоно Уйгура. Кучкар и Ойша, бегая вдоль желобов, каждую щелочку затыкали, каждую упавшую каплю в горстях готовы были снести на вершину холма. Но желоба длинные, щелей — без счета, вода упряма и коварна!

Вывалась вода из Кучкаровых желобов. Замолк голос насоса. Чтобы заставить его петь снова, нужны были железные трубы. Кучкар и тут нашелся: геологи, ведущие поисковые работы в Чартаке, услышав повесть о его злоключениях, выделили шесть железных труб.

Привезли трубы. Сварили. Но вода по ним поднялась лишь до середины холма. Выше — опять пришлось налаживать желоба. Но теперь уже Кучкар вместе с Ойшахон засмолил каждую щелочку...

В арыках на холме текла вода! Но недолго. В несчастный день оборвались наспех сваренные звенья трубопровода. Снова скатилась вода в арык Уйгур.

Снова, потея, изнемогая, латал Кучкар дыры. А в колхозе в это время председателем стал агроном.

— Дедовскими методами дела не сделаешь, — сказал он Кучкару.

Вместо «Андижанки» установили мощный дизель. Позвали на помощь нефтеразведчиков...

Вода оросила холмы...

Бывают же такие совпадения! Как раз в этот день в семье Кучкара появился второй ребенок — Усманджан. Загремел веселый той в честь двух радостных событий...

С этого дня Кучкар и Ойшахон все свои торжества проводили здесь, на холмах.

...Праздник по случаю того, что младенца впервые положили в колыбель, пришелся на тот день, когда поспели огурцы. Второй праздник, по такому же поводу, справили в дни созревания персиков. Были и праздники в дни сбора винограда. Во время семейных торжеств Кучкара и Ойшахон говорили гости и об их детях, и о праздничном столе, украшенном спелыми плодами... Дети — кровь и плоть Кучкара и Ойшахон, а в дарах земли — труд и пот их обоих. Сами сажали, сами растили. Сеянцы, с карандаш, — деревьями сделались...

Все праздники этой семьи отмечались торжественно и надолго запоминались, но один — остался в памяти навсегда.

... Сад на холмах радовал взоры обильным урожаем. В этот день председатель колхоза приглашал всех, от

мала до велика,— взобраться на холмы, отведасть плодов.

Люди собрались. Многие уже протянули руки к заманчивым дарам сада, когда их остановил возглас одного из аксакалов кишлака:

— Постойте! Я хочу спросить...

Все взгляды обратились на старика. Он стоял, величественный, седобородый, и, рукой указывая вокруг, спрашивал:

— Кто привел воду на эти холмы?

— Наш Кучкар-ака!— хором ответили дети.

— Кто одел их зеленью?

— Кучкар и Ойшахон!— крикнули комсомольцы.

— Кто благоустроил эти места?

Он обвел взором сверкающую, как зеркало, гладь пруда, цветники вокруг него, деревья, склонившие ветви от тяжести плодов, ровные дорожки и, не ожидая ответа, сам воскликнул:

— Все это сделал Кучкар!

Затаив дыхание, люди слушали мудрое слово старейшего:

— В прежние времена люди помнили каждого, кто вырастил хотя бы один тополь. Весь кишлак — случилось — называли по имени этого человека. Наш Кучкар на месте сожженного солнцем ада — создал рай! Так пусть же эти места носят имя «Кучкарабад!»

Громом рушились аплодисменты. «Ура! Ура! Ура!» — словно залп, прозвучали крики детей.

С тех пор сад на холмах так и зовется Кучкарабадом. Да и его самого нередко окликают «Кучкарабад». А Ойшахон уважительно именуют «жена Кучкарабада».

Вот откуда оно, прозвище Ойшахон. Она не обижается на односельчан. Потому что в кишлаке Карамурч прозвища обрели новый смысл.

Коллектив машиностроительного завода провожал на пенсию Махкама Мусаева. Сразу были отмечены и его шестидесятилетие и сорок лет работы на заводе.

В однодневном доме отдыха машиностроителей был устроен банкет в честь старого мастера. Приветствовать его пришли и старики и молодежь: знакомые, товарищи, ученики...

Старому мастеру вручали букеты цветов, фотографии на память, подарки, поздравительные телеграммы и почетные грамоты. Один за другим гремели тосты, бутылки с шампанским стреляли в потолок, и сам Махкам Мусаев начисто забыл о своих немолодых годах, о больной пояснице, которая еще вчера ныла всю ночь, не давая уснуть.

Шестидесятилетний старик впервые понял, как его любят и ценят. Сначала он плакал, не скрывая слез, а потом вытер слезы и вступил в круг танцоров, словно скинул с плеч все эти сорок трудовых лет.

Он готов был танцевать и веселиться до утра, однако гостям утром надо было идти на работу, и около полудня веселье закончилось. Но старика еще долго провожали домой, с песнями, как провожают жениха, когда он вводит в дом невесту.

Махкам-ака порывался уйти из дома вместе с провожавшими, но Манзура-апа проявила наконец свою власть.

— Вы уже вышли на пенсию, Махкам-ака, пора вам и отдохнуть!

И старик с удовольствием вспомнил, что и верно, теперь он будет отдыхать. Завтра утром ему не надо подниматься чуть свет, бежать к трамвайной остановке, волноваться — не опоздает ли? Завтра он может спать, сколько душа захочет, завтракать не торопясь, проводить день, где и как пожелает, как делают все старики его квартала.

Так началась его жизнь пенсионера.

От волнения не спал всю ночь, беседовал с Манзурой о будущем отдыхе. Планы этого отдыха были один другого великолепнее.

Заснул он перед рассветом и, казалось, только смежил веки, как услышал внутренний голос:

— Вставай, опаздываешь!

Махкам-ака торопливо умылся, оделся, рассердился, что жена забыла приготовить завтрак, и пошел к двери.

— Куда это вы, муженек? — удивленно спросила Манзура, разбуженная его шагами. — Только вчера вышел на пенсию, а сегодня уже собрался на утреннюю молитву?

Махкам-ака провел рукой по глазам, засмеялся.

— Забыл, женушка! Ах эта старая память, будь она неладна!

До полудня Махкам-ака слонялся по комнатам, выглядывал на двор. Когда жара спала, повозился немного в своем маленьком садике. Вечером долго сидел у телевизора.

На следующее утро он спал вдоволь. Днем сходил навестить родственников.

На пятый день оказалось, что все визиты сделаны, и он застрял дома.

— А, будь она неладна, эта скука!— сердито сказал он жене.— Мне становится душно, будто шубу надел.

— Сходил бы на рынок,— посоветовала жена,— в выходной могут заглянуть дочка с зятем.

Махкам-ака отправился на рынок.

Рынок стал похож на настоящий город. Крыша была перекрыта заново, торговые ряды перестроены.

Махкам-ака набил продуктами две сумки, зашел на обратном пути к зятю и пригласил всю семью вместе с внучкой и маленьким внуком.

Угощение было отличное.

Но и пиры не могут длиться вечно.

Через некоторое время Махкам-ака почувствовал, что его одолевают недуги: то покальвает сердце, то ломит поясницу. Пока он работал, эти боли не замечались, а сейчас они набросились на него со всех сторон.

— Скука меня одолевает,— пожаловался он Манзуре.— Даже сердцу становится тесно.

— Пойдите на люди,— посоветовала Манзура.— Посидите в чайхане, ведь теперь и вы стали аксакалом...

До сих пор он никому не рассказывал о своем возрасте. Да и редко случалось ему встречаться со стариками, а уж обсуждать по старинному счету «мучал», кто в год какого зверя родился, ему и вовсе не приходилось. Днем он был на заводе, а там вокруг всегда молодежь, вечерами занимался по дому, а то возился с внучатами. Но теперь он и сам стал аксакалом.

Махкам-аксакал набросил халат на плечи и отправился в чайхану стариков.

Оказывается, чайхану хвалили не зря. Она была построена на речке, в тени деревьев, кругом обсажена цветами. Это и было прибежище аксакалов.

К известным завсегдатаям прибавился еще один чаевник. Старики встретили нового посетителя радостно и даже торжественно. Ему сразу протянули пиалу с чаем, густым, как хлопковое масло, и горьким, как сок из коробочки мака. Махам-аксакал важно принял угощение.

Ему почти никогда не приходилось участвовать в таких беседах. Здесь, под короткие возгласы: «Еще чайник!», «Подайте чистую пиалу!»—обсуждалось все, начиная от торговли, цен, свадеб, похорон, до того, кто что любит: плов или шурпу. Рассуждали даже о походке прохожих... Наступал вечер, темнело, а старики все не расходились. Махам-ака несколько раз порывался встать, но старики не отпускали его.

— Давно мы смотрим вам в рот, а вы все молчите!— укорил его самый почтенный из аксакалов.

— А что я должен говорить?— удивился Махам-ака.

— Теперь и вы приближаетесь к возрасту пророка и ваше слово становится дороже золота. Вы даже от родственников не зависите, о вас позаботилось государство. Прикажите жене приготовить на утро плов, мы зайдем к вам и рассеем вашу скуку. Теперь вы наш, а старикам надо держаться друг друга...

— Ожидаю вас к себе!— торжественно сказал Махам-ака.

На другой день плов был приготовлен, и Махам-ака на славу угостил польщенных его вниманием аксакалов. С этого дня, где бы ни собрались старики, будь то свадьба или поминки, не забывали пригласить и Махам-аксакала. Но и это времяпровождение не доставляло ему радости и удовлетворения. Махам-ака стал неразговорчивым, тихим. Он постепенно слабел, перестал смеяться, плохо спал. И Манзура-апа стала замечать, что голова у него сделалась совсем седой. «Старик ты

мой, старик!» — вздыхала она, но думы свои скрывала. А Махкам-ака становился все грустнее.

Однажды Махкама зазвал к себе известный аксакал Хаитбай. Они долго пили чай, разговаривали о базарных новостях, которые были скучны старому мастеру. Затем Хаитбай завел речь о смерти и похвалился, что никого не станет утруждать своими похоронами, когда к нему явится Азраил — ангел смерти.

Тут Хаитбай встал и показал Махкаму, как он всем заранее распорядился. В сундуке у него были уложены деньги на похороны и поминки и заранее раскроенный белый саван. Выяснилось, что он даже могилу на кладбище заказал заранее и уже договорился и с могильщиком и с мойщиком мертвых. Махкам-аксакал обеспокоился, завздыхал, — ему не хотелось быть живым трупом. Хаитбай рассердился:

— Если вы живете со стариками, то и сами должны думать о старости! А если хотите вечной молодости, так идите к молодым. Они саваны не кроят...

«А ведь он прав! — раздумывал Махкам-ака по дороге домой. — Не рано ли я записался в старики?»

С этого дня Махкам-ака стал чаще бывать у зятя. Ему нравилось играть с внуками. Сейчас же повиснут на шее, закричат: «Беленький дедушка пришел!» Однако внучка днем в школе, внук в детском садике.

Дети тоже не бездельники, у каждого свое занятие. Да и все ребята в квартале и в соседних домах заняты, а юноши на работе, на учебе. Мало друзей у Махкама-ака среди этой молодежи. «Стал я старым бараном, отбившимся от стада!» — думал он и все чаще вздыхал.

— Что вы вздыхаете? — волновалась жена. — Чего вам не хватает? Ведь всего у вас вдоволь, о чем же беспокоиться?

— Эх, жена, — грустно отвечал Махкам-ака, — жил я

раньше своим заводом, а теперь, когда я от него ушел, ноги сами ведут меня к могиле.

— О чем вы говорите, Махкам-ака! Шестьдесят лет, разве это старость! Вы еще сильны, как молодой конь! — утешала его жена.

— А если я — молодой конь, так не должен висеть на крюке, на который туши подвешивают! — сердился Махкам.

— Но ведь вы знаете: «Молодым — работа, старикам — почет!», — не сдавалась жена. — Время принадлежит молодым!

— Да разве молодые знают столько, сколько знает старик? Вон я оставил цех на молодых, а они задержали выпуск новой хлопкоуборочной машины! А ведь хлопкоробы не знают, что я тут ни при чем, можно себе представить, какими словами они меня бранят!

— А разве новая машина не пущена в производство?

— Вот именно! И виноват во всем Иргашев! У этих молодых всегда так: одной ногой в винограднике, а другой уже в саду. В цехе смятенне, не знают, что и делать. Встретил я нашу инженершу — Лобархон, смотреть на нее тошно!

В это время в калитку постучали.

— Кто там? — спросила Манзура.

Перед калиткой стояло несколько человек в чалмах.

— Вызовите Махкама-аксакала, пора на заупокойную молитву.

Манзура передала приглашение. Махкам совсем раскипятился:

— Ты же знаешь, что я ненавижу смерти! А когда ты видала, чтобы я ходил в мечеть?

Манзура промолчала. Хорошо уже и то, что старик хоть сердиться еще может! Аксакалам она ответила, что Махкам-ака придет попозже. И спросила:

— Кто же умер?
— Вали-аксакал.

Махкам-ака, прислушивавшийся к разговору, так и обмер.

Вали он знал много лет. Каждое утро они встречались на трамвайной остановке и ехали вместе на работу. Но год назад Вали вышел на пенсию. Как-то они встретились на улице и Вали пожаловался: «Как только ушел с работы, так все болезни нагрянули в мой дом!» Махкам-ака — тогда он еще работал — подивился немного, утешил старика привычной отговоркой, мол, послали на отдых, так отдыхай, не сетуй! — и с тем ушел. Но вот совсем недавно они опять встретились в магазине. Вали-ака остановил Махкама и начал жаловаться: «Совсем безделье согнуло! Все домашние на работе, внуки учатся, не знаю, куда и деть себя!»

И вот этот самый Вали умер...

В калитку снова постучали. Махкам сердито сказал:

— Скажи, чтобы меня не ждали!

Когда Манзура вернулась, муж был в рабочем костюме.

— Что это такое? — удивилась она. — Ведь надо надеть белую одежду!

— Я не в мечеть, а на завод! — коротко ответил муж.

2

Махкам-ака сошел с трамвая возле завода.

Улица была тиха, в это время все на работе, а бездельники возле заводов не гуляют. Вахтер Махмуд сидел у проходной и зевал. Увидав старого знакомого, он обрадовался.

— Редко показываетесь, аксакал, — сказал он, — сели на пенсию и забыли друзей.

Махкам-ака весело поздоровался и поспешил к двери проходной.

— Пропуск! — вдруг став деловитым, сказал вахтер.

Махкам-ака достал свой постоянный пропуск и предъявил «в раскрытом виде». Вахтер, взглянув, сказал:

→ Не действителен!

Махкам-ака покраснел от гнева.

— Да вы что, выпустили меня так, чтобы я больше никогда не прошел через эту дверь?

— Рад бы душой, но не имею права! Инструкция строгая...

Махкам-ака, сердитый, пошел в бюро пропусков. Пришлось долго звонить по телефону, но все-таки он добился разового пропуска. Вахтеру он уже не улыбался, сердито сказал:

— Вот пропуск!

— Проходите! — вежливо ответил вахтер.

С завода как раз хлынула первая смена. Старый мастер обрадовался встрече. Однако каждый был занят своим делом, кто спешил в столовую, кто в управление. Правда, все были рады старику, молодежь приветствовала уважительно, старые соратники торопились обнять, но разговоры были короткие.

— Как пенсионные удовольствия?

— И не спрашивайте! — Махкам только рукой махнул. — Недаром говорят, что к бездельнику всякий испытывает отвращение. Вот и я сам к себе испытываю такое же чувство.

— Ну, это вы наговариваете на себя! Одеяло получили, лежите теперь на боку!

— И так все бока отлежал! Вот иду к Иргашеву, пусть даст работу.

— Тогда завяжите пояс потуже, мы вызываем вас на соревнование!

Перешучиваясь со знакомыми, Махкам шел твердой поступью, снова чувствуя себя среди друзей. Однако радость продолжалась недолго. Учетчик парткома сухо сообщил ему, что он снимается с партийного учета и его карточка направляется в парторганизацию по месту жительства.

За всю свою жизнь Махкам не испытывал такого возмущения.

— Кто это снял меня с учета? Здесь я вступал в партию, здесь я и останусь, пока не умру!

Неизвестно, чем бы кончился этот спор, если бы в партком не зашла Лобархон, которая стала недавно начальником цеха, где раньше работал и Махкам-ака.

— Махкам-ака, вы здесь? А я только что собиралась к вам домой!— воскликнула она.

— Как, разве мной еще кто-то интересуется?— притворно удивился Махкам-ака, поглядывая в то же время с торжеством на учетчика.

— Дела в цехе плохи, Махкам-ака!— пожаловалась Лобархон.

— Опять Иргашев?

Лобархон кивнула.

Им не надо было долго разговаривать, они всегда понимали друг друга с полуслова. Если бы не обещание Иргашева — помочь цеху, Махкам-ака, может, и не ушел бы на пенсию. И вот оказалось, что Иргашев остался таким же уклончивым, все ищет кривизну в волоске.

— Хорошо, доченька, я сам с ним поговорю!— грозно сказал Махкам и пошел в заводууправление.

В приемной толпилось много народа. Тут были и представители из колхозов, и со смежных заводов, были

из других городов и республик. Махкам посчитал, что его дело, пожалуй, поважнее других, и открыл дверь кабинета.

Директор завода читал бумаги. Подняв глаза на шум шагов, он удивился:

— Махкам-ака? Вот уж легок на помине! Да явись сейчас ко мне посол аллаха, я бы не больше удивился! Я только что вспоминал вас!

Он казался веселым и даже беспечным. Было похоже, что он в самом деле рад приходу неожиданного посетителя. Поэтому Махкам-ака заговорил спокойно, как было в те времена, когда он считался одним из самых уважаемых людей на заводе.

— Вместо того, чтобы ожидать послов аллаха, поинтересовались бы, кто из смертных сидит в вашей приемной.

— Я и так только о них и думаю,— сказал Иргашев, сняв очки и вертя их в длинных пальцах.

Махкам-ака знал привычки директора. Иргашев постоянно вертел свои очки. Если он был недоволен, то начинал медленно протирать их платком, если же вот так играл ими, то с ним можно было разговаривать откровенно и даже убедить.

— Одни слова!— сурово сказал Махкам.— Кто не платит долгов, к тому стучат в дверь. Судя по очереди в приемной, вы давно стали должником. Я слышал, что представителей колхоза «Бустан» вы недавно просто проводили из кабинета. А что ответите этим?— он кивнул на дверь.— Там, по-моему, сидят люди из всех республик, в которых сеют хлопок...

Иргашев тоже знал своего собеседника. Он всегда говорил прямо и не очень раздумывал о чинах и рангах слушателей. И сегодня он заявился неспроста. Наверное, его привела Лобар. Значит, она возбуждает людей

против Иргашева. Он побледнел от гнева, но пока что сдерживался.

Однако Махкам-ака увидел, как переменился в лице директор. И улыбка уже вынужденная, и голос стал грубее.

Иргашев не видел мастера больше трех месяцев. Он был даже рад тому, что этот беспокойный человек исчез с завода. Но вот он опять сидит тут и видно, что он очень изменился за это время, вернее сказать, сдал. Что же все-таки привело его на завод?

— Чем я могу вам помочь, Махкам-ака?— спросил Иргашев, несколько смягчаясь.

Махкам оживился, глаза его стали добрее, но тревога в них осталась.

— Я хочу вернуться на завод...

Иргашев удивленно выпрямился.

— Нда...— он запнулся, но быстро овладел собой.— Намерение хорошее, но ведь вы получаете пенсию... Да и место ваше занято...

— Мне бы вернуться в цех, а работу я найду.

— Но зачем это вам?— искренне удивился Иргашев.— Пусть работают молодые!

Махкам отвернулся и, глядя в пол, проворчал:

— Говорите: молодежь, молодежь, а когда вы давали дорогу молодым?

— Ну, это вам наглали!

— Причем тут лгуны?— Махкам опять разгорячился.— Вот вы взялись за новые машины и бросили их... Если у вас не хватает сил, пригласите помощников! Если вам некогда, поручите доводку новых машин мне!

Иргашев начал протирать свои очки.

— Вы — пенсионер, отрезанный ломоть.

— Подумайте, Зафар, что вы говорите? Сколько лет

я учил вас? А теперь вы готовы отмахнуться от своего учителя? Где обещанные вами новые машины? Их нет и не будет!

— Почему это не будет?

— Потому и не будет, что вы отпустили лучших специалистов, а молодым, как Лобархон, не помогаете.

Махкам понимал, что не такими словами надо бы излагать свою просьбу, говорят, что о милости просят сладким языком... Он было спохватился, но новая фраза Иргашева заставила его опять разгорячиться.

— Это Лобархон пригласила вас в ревизоры?

— Не надевайте шубу наизнанку, Зафар Иргашевич! Я ведь читаю газеты! Вчера там было напечатано письмо бустановцев, что у них нет ни новых машин, которые вы им обещали, ни запасных деталей к старым машинам, которые вы тоже обещали...

— Это тоже дело Лобар. Она подговорила бустановцев...

— Напрасно вы обижаетесь на Лобархон. Лучше помогите ей! Или позвольте мне помочь.

Иргашев встал, швырнул очки на стол.

— Я уже сказал, что пенсионерам на заводе делать нечего. Идите отдыхайте, раз вы заслужили.

Махкам-ака тоже поднялся.

— Ну нет, Зафар Иргашевич, из кабинета вы можете меня выгнать, а с завода никогда!— и пошел к двери.

3

Обидеть человека куда легче, чем обрадовать.

Это самое и случилось с Махкамом-ака.

После разговора с Иргашевым он совсем потерял покой. Пришел домой, но даже ужинать не мог.

Манзура-апа поняла, что старика не берут на завод. Уж если человек, всю жизнь любивший манты, на них и не смотрит, значит его дела плохи.

— Зачем вам беспокоиться,— нерешительно заговорила она.— Ну, не дают работу, подумаешь, надо только радоваться, спина меньше болеть станет.

Махкам-ака вытаращил на жену глаза.

— Ты что, тоже за Иргашева? Ну, я с ним еще поговорю где следует!

Он вдруг решительно встал из-за стола и вышел. Манзура хотела было крикнуть: «Куда вы, дед своих внучат, убегаете от ужина?»— но калитка уже хлопнула, будто ее рвануло бурей. Было видно, как Махкам свернул на соседнюю улицу. Манзура-апа поняла — муж пошел к Жахангирову. Они долгие годы работали вместе, а теперь Жахангиров был секретарем парткома завода. Так вот на что намекал Махкам-ака, когда сказал, что еще поговорит с директором где следует... Ох, какой же трудный старик!

А старик, и верно, уже открывал дверь в квартиру Жахангирова.

— О, Махкам Мусаевич! Пожалуйста, пожалуйста! Каким это вас ветром занесло?— весело воскликнул Жахангиров, отрываясь от телевизора, перед которым сидел со своими ребятами.

— Не ветром, а бурей!— пошутил Махкам-ака, но в голове чувствовалась обида.

Хозяйка пошла ставить чай.

— Я пришел поругаться с вами, Ашраф Агзамович...— без предисловий начал Махкам-ака.

— Какой же грех на моей совести?— удивился Жахангиров.

— Слишком много дармоедов тянете вы в коммунизм...

Несколько ошеломленный этими словами, Жахангиров только взглянул на старого приятеля.

— Как же это получается,— строго спросил Махкам-ака,— что одни строят социализм, а другие только отдыхают под деревом и ждут, открыв рот, когда упадет яблоко? А вы знаете, что пчелы проверяют у летка каждую, несет ли она мед? Если меду нет, ее выталкивают обратно. Почему бы вам не спросить тех, кто уселся вокруг дастархана: «А что вы внесли в общий котел, чтобы получать по потребности?»

Жахангиров уже знал о визите Махкам-ака в кабинет Иргашева и даже ждал такого разговора. Правда, он не думал, что старик окажется столь напористым, придет прямо на дом. Однако с учетом этого старого коммуниста он решил не снимать. Оставалось только уточнить некоторые детали. Он осторожно сказал:

— Конечно, было бы куда лучше, если бы вы вернулись на завод и помогли Лобархон... Однако есть тут одно но...

Махкам-ака смотрел прямо в рот Жахангирову, ожидая, какое еще «но» выпорхнет оттуда.

— А «но» заключается в том, что нет ставки. Но работа для вас есть, партийная работа, подходящая...

— Да я и не нуждаюсь в жаловании!— торопливо проговорил Махкам-ака.— У меня денег хватает! Я и жена получаем пенсию. Да еще дети каждый месяц переводят, как ни кричу на них. Вы мне только укажите работу, а я уж засучу рукава...— и снова уставился с надеждой на Жахангирова.

— Ну что ж, тогда все отлично! Работа называется — контрольная комиссия. Место — наш завод, на котором вы трудились сорок лет. Там вы и будете председателем комиссии содействия народному контролю. Од-

ним словом, будете стоять у входа в наш пчелиный улей...

Махкам-ака вскочил с места, забегал по комнате, потирая руки.

— Ну, ну, ну! Вот уж подарили старику радость! На такой работе скучать не станешь!

Жахангиров только посмеивался, глядя на старика. Через три дня предложение секретаря обсуждалось на общем партийном собрании.

Разгорелись страсти.

— На таком посту должен стоять беспристрастный человек!— заявил Иргашев, отводя кандидатуру Махкам-ака.— Махкам Мусаевич с завода ушел, а недавний его разговор со мной показывает, что он и не смог бы быть беспристрастным по отношению к администрации...

— А мы поддерживаем кандидатуру Мусаева!— раздался голоса коммунистов из сборочного цеха, в котором когда-то работал старый мастер.

Иргашев снова взял слово.

— На этой работе должен быть наш, заводской человек. Я повторяю, что Махкам-ака с завода ушел!

— Если он не числится в дирекции, то числится на партийном учете!— возразила Лобархон.

Да и сам Махкам-ака встал, хотя ему не давали еще слова.

— Значит я уже стал посторонним?— сердито спросил он Иргашева.— А не вы ли, товарищ директор, называли меня ветераном завода? Не вы ли обещали, что мое имя останется в списках рабочих цеха? Я еще обрадовался тогда, что если умру, то не будет забыто мое участие в трудовых боях за коммунизм. Но уже теперь я с завода никуда не уйду!

Собрание становилось все оживленнее. Коммунисты

одобрили кандидатуру Махкама-ака. Голос Иргашева потерялся среди множества голосов.

Иргашев ушел с собрания огорченный. Он все сожалел, что не успел привести более веских доводов против кандидатуры Махкама Мусаева. И вот теперь тот самый Махкам-ака, который говорил Иргашеву: «Я еще вам покажу!»— стал председателем контрольной комиссии, которая будет проверять работу администрации.

4

Махкам-ака пришел домой веселый, оживленный. Манзура-апа, обрадованная неожиданной переменой в настроении мужа, поставила на стол плов, салат из помидор, лука и красного перца, да прибавила еще графинчик с водкой, настоенной на лимонных корочках. Махкам-ака взял графинчик, взболтнул содержимое, посмотрел на свет и вернул жене.

— Нельзя. Завтра иду на работу. Нехорошо, если от меня будет пахнуть.

— С какой же стороны взошло солнышко?— не удержалась жена.

Махкам-ака ответил уверенно, как в старые годы, когда приходил домой с удачей:

— Мне поручили большую работу! Я должен быть глазами партии, народа на нашем заводе!

Кончили обедать, а Махкам-ака все рассказывал жене, какое большое дело у него в руках. Манзура не все поняла, но главное было ясно и без лишних слов: муж опять стал деятельным, разговорчивым. «Его радость — моя радость!»— думала Манзура.

Тут доброе настроение мужа пропало, он стал глух и нем. Молча потягивал чай, пристально вглядываясь в приятную рябь на поверхности напитка.

— Что с вами, дед своих внучат, вы утонули в пиале, как хлеб, упавший в воду?— спросила жена.

Муж не ответил.

Манзура забеспокоилась.

С опаской поглядывала она на нахмуренные брови мужа, наконец робко спросила:

— Постелить вам постель?

— Дай мне лучше совет!— внезапно сказал Махкам-ака.— С чего мне начинать? Наверное, без скандала не обойдется. У меня просто голова идет кругом, когда подумаю об этом...

Манзура-апа встревожилась. Видно, у старика нет подходящего советчика... Думала, думала и наконец сказала:

— А вы бы спросили Жахангирова... Он-то побольше знает!

Кажется, она угодила своим советом. Во всяком случае, муж отставил пиалу, накинул халат и вышел.

Жахангиров по стуку в калитку узнал Махкама. Взглянул на жену, усмехнулся:

— Слышишь, сосед идет! Теперь он не усидит дома. Я нашел хорошего помощника...

Махкам-ака несколько не походил на того старика, каким явился сюда три дня назад. Даже походка у него стала другой и голос звенел по-молодому. Жахангиров и сам повеселел, глядя на старика.

— Чем могу служить?

— Скажите мне, с чего лучше начинать завтра работу, Ашраф Агзамович? Задачи большие. И каждая важна.

Жахангиров никак не ожидал, что старик сразу возьмет быка за рога. Он задумался, молча постукивая пальцами по колену. Молчал и старик, тоже постукивая

пальцами, как будто два музыканта подбирали одну музыку.

— По-моему, начинать надо с главного, — задумчиво заговорил Жахангиров — А главное для нас — новые машины. В конце года коммунисты завода будут отчитываться перед партией. И нас, конечно, спросят: «Где же обещанные вами машины?» И азербайджанцы, и таджики, и туркмены, — все хлопкоробы страны рассчитывают на нас...

— Дайте вашу руку! — воскликнул Махкам-ака. — Честное слово, мои мысли взрастали в вашей колыбели!

На следующий день Махкам Мусаев был на заводе. Махкам-ака даже не очень огорчился, когда между ним и Иргашевым возник первый спор. Что ж, он должен подсказывать наиболее правильные решения и не станет держать свои мысли взаперти. Речь шла о том, когда поставить на конвейерное производство новые хлопкоуборочные машины. Об этом спорили не только на заводе. Хлопкоробы давно ожидали новые машины. Конструкторы сделали все, что от них требовалось. Но перестройка производственного процесса могла снизить выполнение плана, и Иргашев продолжал под шумок гнать машины старых конструкций.

Акт контрольной комиссии был направлен в партийный комитет, а один экземпляр «товарищу директору лично»...

— Личные счета! — сказал Иргашев, прочитав акт, и приказал вызвать к нему Махкама Мусаева и Лобархон.

— Неужели нельзя было сначала спросить меня, а потом уж составлять акт? — спросил Иргашев.

— Недуги вскрыты, а лечить — наше общее дело! — ответил Махкам.

Иргашев обиженно заговорил:

— Я помог вам выйти на пенсию, устроил вам торжественные проводы, а вы все недовольны... Я дал согласие, чтобы вы вернулись на завод. А теперь скажите, разве то, что вы делаете, не называется — ответить злом на добро?

— Махкам-ака энергичный человек и он умеет действовать, — сказала Лобархон. — Поэтому его и выбрали председателем контрольной комиссии. И он делает добро тем, что приносит пользу заводу, нашему с вами делу. Вы сами отлично знаете его деловые качества.

Зафар Иргашев ответил:

— Да, знал. Но он никогда не был таким суматошным, как теперь. Раньше его все уважали, а будут ли уважать и впредь?

— А мы его уважаем! — воскликнула Лобархон.

— Я хотел ему покая. Даже богатырь не может служить больше того, что ему положено природой. А он, как видно, сам себя не уважает, если берется за непосильные дела.

— Если вы не считаетесь со мной, — возразил Махкам-ака, — так почему же оставляете без дела молодежь? В чем виновата Лобархон?

Рука Иргашева потянулась к очкам.

— Если Лобархон желает раньше всех вступить в коммунизм, пусть вступает! Я не сторож у ворот будущего...

У Лобархон вспыхнули глаза.

— А если вы не сторож, так почему преграждаете путь другим?

— Кто? Я? Чем?

— В коммунизм идти, не в Мекку ехать! — заговорила Лобархон. — Для паломников достаточно было и осла... А нам нужна техника! Самая лучшая! А вы повую машину удерживаете, как птицу за крылья...

Иргашев, надев очки, посмотрел на собеседников по-
верх стекол.

— Дайте мне собраться с мыслями,— сказал он,—
не торопитесь.

После ухода контролеров, Иргашев приказал достать
все докладные Лобархон. Их оказалась целая папка. Он
долго просматривал бумаги, курил, размышлял. Нако-
нец попросил собрать в кабинет руководителей цехов и
служб.

... В день сборки первой машины Лобархон и Мах-
кам-ака пришли в цех раньше всех. Вместе с рабочими
они старались, чтобы первенец вышел и покрасивее и
попрочнее...

5

Прошло около месяца и Махкам-ака снова столкнул-
ся с Иргашевым.

Все началось с телеграммы, полученной из столицы
Таджикистана, а перепелось с судьбою первого образца
машины, отправленного в совхоз «Бустан», что под Таш-
кентом.

Душанбинцы жаловались на то, что завод не отгру-
жает «занаряженные» машины. Махкам-ака проверил
данные об отправке машин и написал гневное письмо в
партийный комитет завода.

Первый его довод заключался в том, что Иргашев
все машины направляет только своей республике, дей-
ствуя по поговорке: «Если выпадет из-за пазухи, так
попадет за голенища!» Во-вторых, и в республике у ди-
ректора есть свои любимые области. Значит, Иргашев не
сознает, что Узбекистан выполняет свой долг перед все-
ми республиками, что все пальцы служат одной руке...

Перед тем, как поставить вопрос на обсуждение парт-

кома, письмо вручили для ознакомления Иргашеву. Иргашев, читая этот документ, раз десять снимал и надевал очки.

— Клевета!— сказал он Жахангирову, откладывая наконец письмо.— Я всегда говорил, что Мусаев не годится для такой работы. Видно же, что он сводит личные счета...

Жахангиров сдержанно ответил:

— Если это клевета, опровергайте фактами. Если правда, лучше сразу признать вину.

— Пожалуйста, фактов сколько угодно!— заговорил Иргашев. Перечислял он свои доводы подробно, от острия иголки до узелка на кончике нитки.

Вот как они выглядели, эти доводы.

Почему Махкам Мусаев, собирая все эти слухи, хранил их про себя? Если он настоящий коммунист, так сказал бы об этом в надлежащее время и в должном месте. В конце концов, он мог предупредить по-товарищески самого Иргашева, если считал, что тот поступает неправильно...

Именно сам Махкам Мусаев и предложил, чтобы все выходящие из цеха машины отправлялись немедленно в совхозы и колхозы. Если получилось неравномерное распределение, так не он ли и виноват в том, что не дал дирекции спокойно решить, кому отправлять в первую очередь, кому во вторую...

Никаких любимых областей у Иргашева нет, он не хан, не правитель. А вот у самого Махкама Мусаева любимчики есть! Например, всем известно, что семидесятая машина отправлена сыну самого Мусаева!

А вот и самый главный довод: Мусаев вносит рознь среди людей. Он сбивает с толку молодую коммунистку Лобархон, начальника цеха. Лобархон только вчера вступила в партию, а сегодня уже член комиссии. А вдо-

бабок ко всему, тот же Мусаев собирается взять ее в невестки, только и ждет, когда его сын придет с испытанием машины...

Жахангиров молчал. Когда Иргашев выговорился, Жахангиров позвонил в сборочный и пригласил к себе Мусаева. Он решил, что эти два «врага» должны сначала поговорить друг с другом.

Мусаев пришел вместе с Лобархон.

— Ну что ж, давайте поговорим лицом к лицу, — сказал Жахангиров. — У Иргашева есть много возражений. Одни из них справедливы, другие — заслуживают внимания, некоторые надо уточнить.

— А что требует уточнения? — спросил Махкам-ака.

— Вы настаивали на том, чтобы все выходящие из сборочного машины немедленно направлять в области?

— Конечно настаивал! Они же делаются для того, чтобы работать! Но я никогда не употреблял слово «область». Я полагал, что у дирекции есть план распределения.

— А как вы поступили с семидесятой машиной, предназначенной в одну из братских республик?

Махкам-ака покачал головой. В разговор вмешалась Лобархон.

— На этот вопрос отвечу я. Он имеет длинную историю. Сын Махкама-ака получил почетное право принять участие в испытаниях новой машины. Ему полагалась машина номер шесть. Но товарищ Иргашев не позволял отправить ему ни одну машину до выхода семидесятой. И ту хотел вернуть с дороги!

Жахангиров посмотрел на Иргашева. Иргашев буркнул, что члены комиссии сговорились свалить все на него, и принялся протирать очки.

«Да, так можно погубить все дело! — думал Жахан-

гиров.— Если разрешить им этот недостойный спор, то всякие мелочи запорошат им глаза, как пыль... Надо кончать!» Но как кончить, он не знал. Поэтому сказал осмотрительно:

— Эти мелочные придирки надо оставить. И у товарища Иргашева есть недостатки, и Махкам Мусаевич не без них. Задача нашей комиссии совсем не в том, чтоб каждого подозревать в государственных преступлениях. Пусть мулла считает волоски в бороде пророка. А мы должны поднимать творческую инициативу масс. Если каждый рабочий подойдет к своему делу по-государственному, по-партийному, мы вдесятеро улучшим нашу работу...

Выйдя от директора, Мусаев долго ходил по цехам, размышляя, как бы применить к делу свои замыслы. Зашел и в свой любимый сборочный цех. Цех за последнее время очень изменился, стал чище, светлее, наряднее. «Это дело рук комиссии!»,— растроганно подумал старик. На доске приказов висело новое распоряжение. Он подошел, прочитал:

«График выпуска хлопкоуборочных машин: №№ 76, 77, 78—Таджикистан; 79, 80, 81—Туркмения; 82, 83, 84—Азербайджан...»

— Ого!— удивленно воскликнул он.— Ай да Зафар Иргашевич!

Подошла Лобархон.

— Что вас удивило, Махкам Мусаевич?

— Директор-то наш, а?

— Критика всегда на пользу!— усмехнулась Лобархон. Усмехнулся и Махкам-ака.

— Но она не должна быть односторонней!

Он выбрал самый яркий плакат на стене: «Пусть каждый внесет свой вклад в дело построения коммунизма!», достал синий карандаш и приписал внизу еще одну

строку. Лобархон вслух прочитала: «Какой вклад внес ты сегодня в пятилетку?»

— Ежедневно сам стану проверять каждого!— решительно сказал Махкам-ака.

Вокруг них собрались рабочие. Кто-то из старых друзей Махкама-ака пошутил:

— Все ягнята смирные, а вырастут, так и хозяина могут боднуть!

— Сами избирали, сами и подчиняться должны,— отшутился Махкам-ака.— Контроль начну с нашего цеха.

— Продолжали бы уж воевать с заводоуправлением!

— Управление никуда не убежит, на него все рабочие смотрят.

— Тогда начинайте сегодня,— посоветовал кто-то.— Вон какого красавца выпускаем!

На выходе из цеха стоял новый хлопкоуборочный комбайн.

— Да, если бы мы все машины такими выпускали, нам краснеть не пришлось бы никогда!— похвалил Махкам-ака.

С этого дня у Махкама-ака появилось новое прозвище: «Махкам-контроль». Слухи о том, что «Махкам-контроль» посоветовал сделать так, рекомендовал поступить этак, быстро разносились по заводу и сделали его известным каждому. Одни стремились встретиться с ним, другие побаивались. И еще раз произошла стычка с директором. Иргашев собрал на сдаточной площадке сразу два десятка машин. Уж очень хотелось ему устроить праздничный выезд с завода — красный караван машин. Махкам-ака вызвал еще двух членов комиссии и вместе с ними пришел в партком.

— Ну разве это правильно?— негодующе спросил он.— Товарищ Иргашев будет устраивать демонстрации

по городу, а хлопкоробы — ждать машин? Надо немедленно собрать партком!

— А с самим Иргашевым вы поговорили?— спросил Жахангиров, играя карандашом.— Зайдите-ка сначала к нему. Это будет лучше!

Забрав с собой обоих членов комиссии, старый мастер пошел к директору.

— А он на пункте отправки,— с невинным видом сообщила девушка-секретарь.— Там сейчас грузят машины...

Махкам усмехнулся: видно, у директора есть своя разведка! Понял, что партийный контроль не простит ему ненужную шумиху, сразу отменил свои «демонстрации». Он вернулся в партком.

— Ну вот видишь, как действует комиссия,— улыбнулся Жахангиров, выслушав его доклад.

Уходя с завода, Махкам-ака увидел свежий плакат на проходной: «Что ты засыпал сегодня в амбар пятилетки?»

Ну что ж, он помог отправить сегодня два десятка новых машин. А то, что они соберут за лишние сутки или двое, что простояли бы на отправочном пункте, и есть засыпанное Махкамом в амбары пятилетки.

— А вы сегодня задержались! — пожурил его вахтер.

— Да, работы стало много,— с некоторой важностью ответил Махкам-ака.

— Слышал, слышал, что вы горячо взялись за дело! Поджариваете лентяев на сильном огне.

— Если мясо не прожарить, так желудок может заболеть,— засмеялся Махкам.

— Да, люди о вас много говорят...

Махкам вдруг подумал, что вахтер и встречает каждого и каждого провожает. И уж он-то знает, кто несет

мед, а кто толчется в улье трутнем. Важнейший пост для агитации!

Наутро Махкам явился с дощечкой под мышкой. Он прибил ее у входа в проходную, на самом видном месте. На дощечке был изображен молодой рабочий, пристально вглядывавшийся в глаза проходящим на завод и указывавший пальцем на надпись: «Что ты сделаешь сегодня для пятилетки?»

Вызвав вахтера, Махкам-ака строго сказал:

— Пусть каждый входящий сюда прочитает обязательно!

— Будет выполнено, аксакал! — отрапортовал вахтер.

Он теперь и в самом деле более внимательно вглядывался в лица рабочих, будто ожидал ответа на вопрос, что задавал каждому человек на плакате. Иные проходили уныло, другие бодро... Но вахтер мог поклясться, что количество унылых все уменьшалось, а число веселых и бодрых увеличивалось со дня на день.

Когда закончилась уборка хлопка, то, как обычно, многие наши колхозники начали готовиться к поездке в Ташкент.

Дело в том, что в нашем кишлачном магазине есть товары из многих стран. Смекалистые люди из Ташкента и других городов специально приезжают к нам, чтобы купить себе модные плащи, пальто, платья, костюмы, обувь... Так что модным ширпотребом наш кишлак обеспечен полностью. А вот некоторые ходовые у нас товары — ну, там, яркий платок, красивый материал на халат, удобную, на каждый день, обувь — попробуй купи! Вот и приходится ехать нам в Ташкент. Ну, да мы не особенно сердимся на торговых работников — все-таки лишний раз в столице побываем, а так, пожалуй, и не собрались бы.

Среди желающих ехать в Ташкент был и Таджикибай по прозвищу «Таджанг». Таджанг — значит нервный. И верно, характер у Таджикибая был очень вспыльчивый. У шоферов есть такое словечко — заводной. Таджикибай заводился с пол-оборота, вспыхивал от одного слова, как солома от спички. Сразу хватается за свои усы, потом — за сердце, потом начинает призывать аллаха, а далее в ход уже идут различные горячие слова и выражения.

Так вот, Таджикибай-таджанг собрал у себя дома общее семейное собрание по вопросу: что и кому покупать в Ташкенте.

Семья у него большая: шестеро детей, бабушка, маленькая племянница — дочь сестры, заканчивающей институт в Москве.

Жена Таджикибая, Хадича, в колхозе в ту пору не работала — дома дел хватало.

— Если бы у меня, как у индусской богини, было восемь рук, — говорила Хадича, — то я, пожалуй, могла бы и в клуб ходить по вечерам, и в кино, и даже на танцы. Но пока у меня две руки, то придется ждать, когда младших ребят можно будет отправлять в детсад, а старшие начнут помогать по хозяйству.

Так вот, на семейном собрании Таджикибай-таджанг начал составлять список покупок. Все шло хорошо до тех пор, пока речь не зашла о туфлях. Именно с туфель и начались необычные события, о которых мне хочется рассказать.

Хадича сказала так:

— Почему, дорогой мой Таджикибай, вы хотите купить себе одну пару туфель и мне тоже — одну? Тому, кто больше ходит, нужно купить не одну, а две пары.

— Молодец, женушка, — Таджикибай от удовольствия даже свои замечательные усы распушил, — я был уверен, что именно эти слова и скажешь. Конечно, теперь я со спокойной совестью куплю себе две пары туфель: одну — черную, другую... в общем, там видно будет.

— Э-э, Таджикибай, — возразила Хадича. — Вы меня не поняли. Совсем не о вас я говорила. Разве вы ходите больше меня?

— Как? Выходит, по-твоему, что я... — Таджикибай так удивился, что даже забыл возмутиться. — Да ты не заболела ли, Хадича?

— Спасибо, я здорова. Только любой скажет, что мне приходится за день ходить больше, чем вам.

— О, аллах!— воскликнул Таджикибай, начиная нервничать.— Эта женщина целый день дома, а я хожу по полям! Я же не на такси по полю езжу. Я, может, в день прохожу больше, чем солдат-пехотинец!

— Ничего,— ответила Хадича,— ведь пехота теперь у нас механизирована.

— И как у тебя язык поворачивается сравнивать мою работу со своей!— вскричал Таджикибай.— Я целый день на ногах!

— А я лежу, чай пью,— усмехнулась Хадича.

Но когда Таджикибай-таджанг входил в раж, он уже никого не слушал кроме самого себя.

— Я хожу меньше жены! О, аллах!— он захохотал так, как хохочут в детских мультфильмах злые волшебники.— Это самое смешное, что я слышал за свою жизнь, а я в нашем кино за десять лет не пропустил ни одной комедии! Нет, я должен пойти в чайхану и рассказать этот анекдот всем друзьям! Уж и повеселю я их! Меня они будут целый месяц кормить пловом за такую шутку! Охо-хо-хо! Я мало хожу... Может, ты еще скажешь, что я вообще целые дни стою на месте? Что я совсем не двигаюсь? Что я уже не человек, а столб? Да, ты это хотела сказать? Я — столб?! Столб! Спасибо, жenuшка, дождался...

Ну, действительно, что тут говорить — «таджангом» зря у нас в кишлаке не назовут!

После того, как вся семья целый час успокаивала Таджикибая, он немного остыл и сказал, нервно подергивая своими усами:

— Я все-таки должен рассказать об этом друзьям... Пусть и они повеселятся.

В чайхане друзья неспешно пили кок-чай, кричала

перепелка в клетке — «питпилдык, питпилдык», шипел шашлык на мангале и местные острословы обсуждали взаимоотношения гангстеров и полиции в США.

Когда было выпито по одной-другой пиале чая, и разговор перешел на воспоминания о тех днях, когда женщины кишлака снимали с себя паранджу, Таджикибай, снисходительно улыбаясь, сказал:

— Э-э, почтенные, сейчас я вас повеселю. Как вы думаете, что мне сегодня сказала дома моя Хадича-хон?

Догадки не заставили себя ждать.

— Что у тебя будет еще один сын!

— Что тебе давно пора сбрить усы!

— Что вам пора купить автомобили!

Таджибай только посмеивался в ответ. А когда все предположения были исчерпаны, он произнес:

— Она сказала, чтоб в Ташкенте я купил себе одну пару туфель, а ей — две.

— Почему?

— Потому, почтенные, что она, видите ли, за день проходит значительно больше, чем я! — проговорил Таджикибай.

— Недаром твою Хадичу считают большой умницей! — подзадоривая Таджикибая, сказал бригадир Гафур и подмигнул товарищам. — А вдруг, Таджикибай-джан, она права?

Таджибай тут же взвился под самые тучи, даже про чай забыл, стал перечислять все, что он делает за день — получалось, что он чуть не обегает дважды всю землю по экватору, — и под конец заявил:

— Клянусь памятью своего отца: если выяснится, что я прохожу за день меньше, чем моя жена, то я сбрею свои усы!

Прятели зашумели.

— Бросьте пустые клятвы, почтенный!

— Кто же может указать правого и неправого?

— Никто не может проверить — кто из вас прав.

— Почему? — спокойно произнес бригадир Гафур. — Проверить кто сколько прошел за день очень просто. Нужно купить шагомер. Это такие, вроде часов, приборчики, которые считают шаги. Шагомеры даже в нашем магазине продают: они лежат на верхней левой полке, рядом с консервами «горошек». Стоит он дешево. Таджикибай купит его — и все станет ясным!

Таджибай поклялся, что завтра же купит шагомер, и Хадича убедится, что ей за глаза хватит и одной пары туфель.

Ничего не говоря жене, он купил шагомер и весь день ходил с ним. Шла зимняя пахота — сельских работ в колхозе всегда хватает! — так что к вечеру на шкале шагомера Таджикибай с удовольствием увидел пятизначную цифру, которую тут же и показал друзьям в чайхане.

На следующий день Таджикибай решил остаться дома, чтобы, наконец, решить спор. Бригадир Гафур согласился заменить его на целый день.

— Что вы, заболели, мой дорогой муженек? — спросила Хадича, которую удивило, что Таджикибай не пошел на работу.

Но еще больше ее удивило, что Таджикибай как начал ходить за ней с самого раннего утра, так и не отставал ни на шаг. Хадича идет в сад — и он в сад. Она останавливается у тандыра — и Таджикибай становится рядом. Хадича — в магазин, и муж с ней шагает нога в ногу.

— Что с вами? Почему вдруг вас начали интересовать хозяйственные дела? — не переставала удивляться Хадича. — Или у вас других забот нет?

В конце дня она уже начала сердиться:

— Вы боитесь, что я сбегу от вас? Помнится мне, даже в молодости вы меня так не ревновали!

Таджибай бормотал в ответ что-то нечленораздельное, многозначительно вздыхал, хватался за усы. Не мог же он сказать жене, что проводит проверку? Попробуй, скажи ей, она в два раза больше шагов делать будет!

Но Хадича ничего не подозревала: она ведь и о существовании такой шутки, как шагомер, не догадывалась.

Во второй половине дня ноги у Таджибая начали гудеть, как провода на ветру. Часам к шести вечера походка его начала меняться — ноги заплетались.

К восьми часам Таджибай уже не мог угнаться за размеренными и спорными шагами Хадичи и ему приходилось просто делать шаги на месте, благо шагомеру все равно: просто шаг — шаг и шаг на месте — тоже шаг. Дети удивленно смотрели на отца, который следил взглядом за порхающей по дому матерью и топтался на месте, как дрессированный верблюд.

— Что с тобой, сынок? — спрашивала с тахты бабушка. — Чего ты все ногами перебираешь? Садись, отдохни.

— Производственная гимнастика... ох... считается лучшим средством... э-э... ох... сохранить бодрость... ох, — хватаясь за поясницу, отвечал Таджибай.

Когда все после ужина встали из-за стола, Таджибай еле-еле смог добраться до своей кровати.

Хадича еще хлопотала по дому, ее шаги слышались во дворе, в саду. Она успевала и телевизор посмотреть, и ребят уложить спать, и на завтра приготовить еду.

Таджибай уже не мог ногой пошевелить... Едва-едва достал из кармана шагомер. Ого-го-го! Цифра шагов вдвое превышала ту, которую он вчера с гордостью показывал друзьям.

Таджибай тотчас же перевел шаги в метры и ойк-

нул: получилось что-то вроде семидесяти километров! Расстояние от их кишлака до Ташкента! А Хадича еще продолжала шагать туда-сюда!

... Когда уже на заходе солнца Таджикибай вернулся из Ташкента с покупками, автобус как всегда остановился прямо напротив чайханы. Пиалы замерли в руках приятелей.

Кто это? Вроде бы Таджикибай, но...

— О, аллах! А где усы Таджикибая?

— Зачем ему усы, когда у него шагомер есть?— засмеялся бригадир Гафур.— Интересно, сколько же пар туфель он купил своей Хадиче?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Песнь бессмертия. Повесть. Перевод О. Сидельникова	3
Так началось. Рассказ. Перевод З. Ту- мановой	97
Прозвище. Рассказ. Перевод З. Тума- новой	103
Пенсионер. Рассказ. Перевод Н. Аса- нова	111
Шагомер. Рассказ. Перевод Б. Прива- лова	137

И Б Р А Г И М Р А Х И М

Повесть и рассказы

Перевод с узбекского

«МАНГУЛИК КУШИГИ»

Издательство «Еш гвардия», Ташкент — 1972

Художник И. Вахитов

Редактор И. Рогов

Худож. редактор Л. Мироедова

Техн. редактор Л. Шишкина

Корректор З. Наджатова

Сдано в набор 29/VIII 1973 г. Подписано в
печать 1/XI-1973 г. Формат 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,15.
Тираж 45000. Договор 35—72. Цена 31 коп.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш
гвардия», Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография: издательства ЦК КП Узбекиста-
на. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

Заказ № 3084. Бумага № 1.

0—7—3—3—102

Р—М—356—06—74 45—74